

ОЛЕГ КОЖИН

Лауреат конкурса «Книгуру»!

ИГРА В КУКЛЫ

ОСТАЛАСЬ ТОЛЬКО КУКЛА

ДОМ ТЬМЫ

Олег Кожин

Игра в куклы

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кожин О. И.

Игра в куклы / О. И. Кожин — «Эксмо», 2021 — (Дом тьмы)

ISBN 978-5-04-161601-4

Под этой обложкой повести, которые произвели фурор на конкурсе «Книгуру» – это «Драконье лето» и «Заповедник монстров», и новая долгожданная повесть про улицу Пушкина «Игра в куклы»! Добро пожаловать на улицу Пушкина! Обычная, казалось бы, улочка... Но то кошки пропадают, то родители ходят гулять по ночам с куклами. А может быть, тут по соседству с ничем неподозревающими подростками живут монстры?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-161601-4

© Кожин О. И., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Драконье лето	6
Сима	6
Жан	8
Серый	12
Сима	15
Юрка	18
Жан	23
Серый	26
Тоха	28
Жан	36
Тоха	38
Жан	41
Серый	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Олег Игоревич Кожин

Игра в куклы

© Кожин О., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Драконье лето

Сима

Если откроешь дверь незнакомцу, он может похитить тебя или даже совсем убить. Сима знала: когда сидишь дома одна, к дверям лучше вообще не подходить. Но сейчас дома был папа, отсыпался после ночной смены. С папой ничего не страшно! Он может двенадцать раз поднять гирию правой рукой и десять раз левой и даже может сдвинуть шкаф, чтобы достать потерянный радужный шарик. Сима пробовала двигать шкаф, но силенок пока хватало только на табуретку.

Эту самую табуретку она, пыхтя от усердия, тащила с кухни. Дверной звонок дребезжал требовательно, но папа спал как убитый. Час назад заботливая Сима поставила ему в изголовье стакан воды и натянула на плечи ватное одеяло. Папа одеяло отпихивал и что-то недовольно мычал, но так и не проснулся. Когда запиликал мобильник, он просто придушил его подушкой. Даже глаз не открыл. А звонка в дверь он, наверное, и вовсе не слышал.

– Минуточку! – по-взрослому строго сказала Сима закрытой двери.

Нужно было встать на табуретку, заглянуть в глазок и спросить: «Кто там?» – этот нехитрый алгоритм Сима выучила еще в три года. А теперь ей почти четыре с половиной! Звонок притих, сменился настойчивым стуком.

– Доча, это я! Открой, пожалуйста...

Толстая дверь совсем не заглушала звонкий мамин голос. Он как будто звучал в самой прихожей и, усиленный подъездным эхом, гулко троился.

– Мамочка! – радостно воскликнула Сима, поворачивая защелку.

Она не встала на табуретку, не заглянула в глазок. Это незнакомцам нельзя открывать, а мама – знакомец! Мама удивится и обрадуется, что дочь такая самостоятельная, погладит ее по голове и назовет взрослой и помощницей, а папу назовет сплюхой! Защелка хрустнула, с той стороны мама нажала ручку, потянула на себя... Но дверь не открылась.

– Симочка, в чем дело?! Открой скорее! – настойчиво попросила мама.

– Сейчас, сейчас!

Старый замок иногда заедало. В таких случаях мама отчитывала папу за то, что он ленится сходить в строительный магазин, а папа говорил нехорошее слово. Со старым замком можно было жить – нужно было только надавить на него хорошенько и резко провернуть. Механизм дважды лязгнул вхолостую. Ручка заходила ходуном, затряслась дверь.

– Сима, в чем дело? Открой эту чертову дверь! – голос мамы звучал сердито.

– Да сейчас же, сейчас, мамочка!

Сима обиженно надула губки. Разве она виновата? Разве на нее нужно злиться, что замок плохо работает, а кое-кто опять не взял ключи? Сима бросила взгляд на тумбочку возле зеркала, где лежала забытая мамой связка, и вдруг опасно отодвинулась в глубь коридора. Ключей не было. Она сама сунула их маме в руку утром, перед работой – звонко чмокнула в румяную щеку и вложила в протянутую ладонь связку. Дверь затряслась сильнее:

– Сима, я сказала, открой мне дверь, живо! Слышишь меня! Живо открой чертову дверь! Если открою я – будет хуже!

Сделалось холодно. Сима зябко обняла себя, потерла плечи. Ладонки оказались потными, и стало только хуже. Странно, но злой мамин голос не сделался тише. Мамин? А мамин ли это голос? Самым строгим в семье был папа, он и прикрикнуть мог – но мама? Мягкая, теплая, пахнущая выпечкой и духами мама? Даже когда они ссорились с папой, она никогда

не повышала голоса! Сима придвинула табуретку и, пока не покинула решимость, отодвинула шторку глазка.

– Ты слышишь меня?! Я сказала, открой мне дверь! Впусти меня! Быстро впусти меня! Открой! Открой! Впусти меня в дом!

Сима отшатнулась и едва не сверзилась с табуретки. Коридор был пуст. Дверь вибрировала от ударов, тряслась ручка, захлебывался звонок, и голос, так похожий на мамин, говорил страшные, страшные, страшные вещи, но коридор был пуст.

– Открой дверь! Живо открой мне дверь, я кому сказала?! Ты не представляешь, что я с тобой сделаю, маленькая паршивка! Слышишь?! Впусти! Меня! Сейчас же!

За дверью выло и бесновалось то, что не было мамой. В комнате на кровати звездочкой раскинулся папа. Он негромко сопел и, казалось, ничего не слышал. Сима забилась в проем между стеной и шкафом, плакала и тряслась от ужаса.

Старый замок заедало. Иногда это было к лучшему.

Жан

Сильвера подкосило на третий день каникул. Тоха с Юркой играли на детской площадке в «лесенку», по очереди подтягиваясь на счет, и видели, как у шестого подъезда остановилась покрытая пылью машина «Скорой помощи». Спустя десять минут замученные санитары в мокрых от пота голубых робах, пыхтя и отдуваясь, вытолкали на улицу тележку с пациентом. Следом вышли молоденькая врачиха и понурый Серый. Они о чем-то коротко поговорили, после чего санитарка укатила в больницу, а Серый поплелся к друзьям на площадку.

Юрка, в очередной раз проигрывая, поспешил воспользоваться случаем. Пошел навстречу Серому, протягивая ладонь для рукопожатия. Тоха с победоносной ухмылкой завершил серию, зависнув на перекладине, гаркнул: «Семнадцать!» – и спрыгнул на землю. Взъерошил ежик рыжих волос, стянул промокшую майку. Полуденное солнце превратило небольшой петрозаводский двор в филиал пекла. Лишь на детской площадке, в жидкой тени пожухших тополей, можно было сидеть, не боясь получить тепловой удар.

– Привет, Серёня! Че кислый такой? Лимон съел?

– Сильвера в больницу увезли, – вместо приветствия промямлил тот. – С сердцем что-то. Он вчера звонит такой, говорит, типа молоко закончилось, масло, ну и всякое там. Я за списком продуктов зашел, думал заодно и полы помыть, как раз время подошло, а он в прихожей валяется. Сипит, глаза пучит, белый весь – чисто зомби! Я чуть на улицу не сквозанул!

В компании Серый был старше всех на целых два месяца, но на фоне друзей выглядел мелкотой. Невысокий, тощий, белобрысый, вечно обряженный матерью в дурацкие рубашки поло, у которых менялся только цвет и расположение кармана, он никак не тянул на восьмой класс. Тонкие губы его заострились уголками вниз, придавая лицу совсем уж обиженно-детское выражение. Приступ Сильвера Серый переживал как свой собственный.

Ивана Георгиевича Авдеева прозвали Сильвером из-за моряцкого прошлого и протеза, заменившего левую ногу от колена до стопы. Он не курил трубку и не пил ром, но от его морщинистого смуглого лица веяло солеными морскими брызгами. В глаза Сильвером его называли только мальчишки – знали: как бы старик ни хмурился, на самом деле прозвище ему льстит.

– Во как! – присвистнул Юрка. – Что врачиха сказала? Помрет?

– Сплюнь! – Серый замахал руками. – Он со мной за прошлый месяц не рассчитался, обещал в этом за два сразу. Такая засада, блин...

– Дааа... – с притворной грустью протянул Юрка. – Плакал твой иксбокс...

– Замолкни уже, блин! Хватит! – окрылся Серый.

– Пацаны, брейк, – примирительно прогудел Тоха. – Сильвер мощный дед, выкарабкается.

Запиликал домофон, и из третьего подъезда, сиганув через все крыльцо, вылетел Жан со спортивной сумкой через плечо. Из сумки торчала рукоять меча, перемотанная вытертым кожаным ремешком. Короткая широкая гарда щерилась боевыми зарубками. С виду как настоящая. И не скажешь, что вместо клинка – обшитая утеплителем трубка. Откинув с лица длинную соломенную челку, шурясь от яркого солнца, Жан оглядел двор. Заметив ребят, вразвалочку направился к площадке.

– Тоха. Юрец. Серый.

Жан хлопал протянутые ладони, точно пересчитывая друзей. Тряхнул головой, отбрасывая волосы, вроде как невзначай засветил золотую серьгу в левом ухе. Мочка все еще была красной и распухшей. Восьмой класс без троек в годовом аттестате дался Жану непросто, зато родители обещание сдержали. Родители Жана всегда играли честно, и это работало. Когда за выпускной аттестат без троек светит что-то по-настоящему крутое, любой мальчишка поневоле задумается.

– Оторвут, на фиг, в первой же драке. – Тоха щелкнул по сережке ногтем.
– Могут попытаться, – ухмыляясь, поправил Жан.
Тоха неодобрительно покачал головой.
– Слышал, Сильвера в морг увезли?! – встрял Юрка.
– Чего несешь, трепло?! В больницу, а не в морг, – зло поправил его Серый. – Откуда бы он услышал? Пять минут назад «Скорая» уехала.

Жан нетерпеливо отмахнулся:

– Да Сильвер каждые полгода в больничку катается! Вы лучше вот что... Клео во дворе не видели?

Мальчишки помотали головами. Клеопатра – двухгодовалый сфинкс, лысая и уродливая, как все сфинксы, была любимицей родителей Жана и абсолютно домашней кошкой. Увидеть ее на улице можно было только в переноске, во время семейной вылазки на природу или поездки к ветеринару.

– Печалька... – Жан вздохнул, почесал макушку. – Дома духотища, все окна нараспашку, балкон нараспашку. Мамка думает, что Клео с окна навернулась.

– Не, ты все-таки дома поищи, – посоветовал Юрка. – В прошлом году тоже родители кошака потеряли. Я с ними весь вечер по подвалу ползал, а он, зараза, на балконе в коробку пустую залез и дрых там, пока не проголодался.

– Ты на треньку? – Тоха кивнул на сумку. – Бросай уже игрушки свои, давай к нам, в зал!

– Историческое фехтование – это жесткий и бескомпромиссный спорт для настоящих мужчин, – как по писаному отбарабанил Жан, неосознанно копируя манеру речи своего тренера. – Ты новые ролики с Битвы наций смотрел? Я тебе вчера «вконтактке» скидывал. Вот где жечь!

– Да видел. Ни фига не понятно, – скривился Тоха. – Толпа на толпу с палками и железяками – какой это, на фиг, спорт?! У моей бабушки в деревне старшие пацаны так после каждой дискотеки тренируются...

– Сравнил теплое с мягким! – Жан презрительно скривился. – Ладно, я поскакал. Вы это, если Клео увидите, постарайтесь поймать, лады?

– Лады, лады, – ответил Тоха за всех. – Серьезно, приходи в качалку, я тебя за десять минут вымотаю!

– Придешь к нам – вымотаю тебя за три!

Жан сверкнул улыбкой и быстро зашагал к выходу со двора. Тоха с Юркой вернулись к турнику. Серый, потоптавшись на месте, пошел с ними. Лето обещало быть долгим, жарким и чертовски скучным. Никто не мог знать заранее, что оно просто притворяется. Разве что Сильвер. Но он не дожил даже до вечера.

* * *

Клео не нашлась ни этим днем, ни следующим. Родители Жана, очень уважаемые и солидные люди, выглядели непривычно чумазыми и растрепанными – они облазили не только свой двор, но и с десяток соседских. Насквозь прошли подвал, заглянули за каждый мусорный контейнер, перетрясли все кусты. Жан не очень жаловал семейного питомца – Клео была кошкой взбалмошной и своенравной, в плохом настроении могла сильно оцарапать, буквально ни за что, – но ее очень любила мама, а маминых слез Жан не выносил.

Фото потеряшки он нашел без труда. В любом альбоме с семейных посиделок неизменно присутствовало пять-шесть кадров снисходительно-презрительной морды Клео. Поколдовав пять минут, Жан состряпал объявление. С трудом поборол жгучее желание оставить приписку «Кто найдет – заберите себе!», тяжело вздохнул и все же стер. Шутки шутками, а мама тос-

ковала без Клео всерьез. Жан распечатал два десятка листов, вооружился степлером, сунул в карман рулон скотча и отправился окучивать ближайшие дворы.

Вечер выдался зябким. Столбик термометра, уже давно не падавший ниже двадцати градусов, вдруг откатился к отметке плюс пятнадцать. С Онежского озера, напившись прохлады, налетал не по-летнему стылый ветер, трепал волосы, забирался под футболку. Разбиваясь о каменные бока сталинских пятиэтажек, массивных, точно отдыхающие динозавры, он терял силу и не сильно донимал Жана, но стоило выйти из-под их защиты, как предплечья покрылись гусиной кожей, а затылок съежился.

Оставшуюся половину объявлений Жан хотел расклеить на основных беговых маршрутах. Каждый вечер в парке не протолкнуться от бегунов, велосипедистов и мамочек с колясками. Клео кошка приметная, если она была здесь, кто-нибудь наверняка запомнил. Может, ее даже подобрали, хотя в то, что сварливая Клео добровольно пошла в незнакомые руки, Жан верил слабо. Пригвоздив последнее объявление к дереву неподалеку от уличных тренажеров, он спрятал степлер в карман и уже совсем было собрался бежать домой отогреться горячим чаем с вареньем, как его окликнули:

– Жанчик? Жанчик, а ты чего тут так поздно гуляешь? Мама-то, поди, обыскалась тебя?

Обладательницу скрипучего голоса Жан узнал сразу. Только один человек на всем белом свете называл его мерзким, противным, исковерканным именем «Жанчик». Клавдия Ивановна, сухонькая востроносая старушка, живущая двумя этажами ниже. Несмотря на вечные жалобы на боли в ногах, она всегда умудрялась быть в самой гуще событий. На каждом общедомовом собрании, на всех лавочных посиделках, в любом месте двора, где собиралось больше пяти человек, несмазанной дверью скрипел ее голос.

– Я в окошко смотрела – мама твоя по двору ходит, ищет тебя! И не стыдно?! Родители с ног сбились, а он тут шлындает!

Клавдия Ивановна завелась не на шутку. Ругать распущенную молодежь она считала своей прямой обязанностью, и повод для этого подхватывала любой, даже самый формальный. Жан собрал все терпение, всю заложенную родителями интеллигентность и ответил с холодной учтивостью:

– Она не меня ищет, а кошку. Клео наша убежала.

– Клеопатра убежала?! – захохла Клавдия Ивановна. – Ты подумай, а?! Ну такая славная кошечка, такая воспитанная, благородная – и туда же! Моя Альма ведь тоже убежала...

Только сейчас Жан заметил в сухих пергаментно-желтых руках мятые листы, исписанные ломаным детским почерком, и тюбик канцелярского клея. Клавдия Ивановна тоже развешивала объявления. Кошек у нее было то ли пять, то ли семь, по этому вопросу двор так и не пришел к единому мнению. Честно говоря, Жан знать не знал, как выглядит эта Альма, и слушал старушку вполуха, пока в нескончаемом потоке пустой болтовни не промелькнуло кое-что необычное.

– Что, простите? – переспросил он.

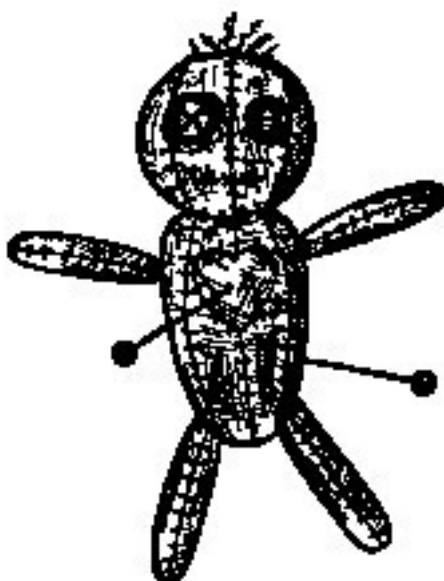
– Я говорю, у Анны Геннадьевны из семьдесят третьей пекинес такой маленький. – Клавдия Ивановна развела ладони, показывая размеры собачки. – Тоже сбежал! А звери – они ведь все чувствуют, все-все! Я по телевизору видела: в Японии перед землетрясением все кошки из города уходят! И собаки убегают, если не привязаны, а если привязаны, то воют так, что уж лучше бы их отпустить! А всякие там воробьи да вороны, уж на что глупые птицы, так ведь тоже бегут! Все бегут! Вот и наши побежали! Ой, что-то будет, ну точно что-то будет!

– Да ну, наши-то...

Жан не закончил, сообразив, что уже с неделю не видел ворон, облюбовавших кривую березу, растущую неподалеку от детской площадки. Да и голуби, эти вечно голодные курлыкающие крысы с крыльями, давненько не прилетали поклевать хлебных крошек, что высыпали рядом с мусорными баками заботливые пенсионеры. Кучка из черствых корок росла, крошки

втапывались в пыль, и никто не замечал пропажи большой голубиной стаи. Жан поймал себя на том, что прислушивается, не дрожит ли под ногами земля. «Тьфу ты, черт! – разозлился он. – Повелся на бабкины бредни, как последний лопух!»

Он наскоро распрощался с Клавдией Ивановной и, растирая руками плечи, поспешил домой, в тепло. Но даже в родных стенах, согретый обжигающе горячим чаем, он не мог до конца растопить холодные и тревожные мысли, прочно сидящие в голове, и все скакал с сайта на сайт, читая истории о животных, покинувших город накануне большой беды. Клео, Альма и пекинес Топа, три зверушки – уже тянет на закономерность. А ведь есть еще птицы. Ложась спать, Жан подумал, что пусть он будет выглядеть круглым дураком, но такими новостями просто необходимо поделиться с друзьями.

Серый

Когда не любишь белые ночи, против воли начинаешь радоваться пасмурной погоде. Серый знал, что еще неделя-другая – и даже самые косматые и страшные тучи не смогут полностью унять назойливый солнечный свет. Но сейчас, пока белые ночи не вошли в силу, ползающая к Петрозаводску гроза погрузила город в плотный сумрак, с каждой минутой становящийся все темнее и темнее. Родителей дома не было – мама засиделась с подружками, а папа работал в ночную смену, но Серый не чувствовал себя неудобно. Один дома он ощущал себя полновластным хозяином, правителем трехкомнатного королевства. Мог включить музыку на полную громкость, или смотреть фильмы ужасов, лежа в кровати в обнимку с миской попкорна. Мог питаться одними бутербродами, и никто не упрекал его, что он давится сухомяткой. Мог даже – о ужас! – пить молоко прямо из пакета! Узнай о таком мама – и не избежать неприятного разговора. Так что – да, Серый обожал оставаться дома один.

С балкона открывался приятный вид на парк, самую густую и заросшую его часть. Кутаясь в спортивную куртку, лениво глядя, как ветер перекачивает зеленые волны листьев, Серый через трубочку тянул охлаждающий молочный коктейль и думал, какая же, в сущности, прекрасная вещь каникулы! Впереди ожидала целая прорва времени, которую следовало потратить на мороженое, походы в парк аттракционов и велосипедные прогулки. Умом Серый понимал, что девяносто дней – это не так уж и много: пролетят – и не заметишь. Но от молочного коктейля мысли покрывались коркой льда, а сердце, окрыленное ветром с ароматом цветущей сирени, звонко пело и пророчило бесконечное веселье.

Когда на улице стало совсем зябко, а трубочка в стакане захлюпала остатками, Серый решил перебраться в тепло. Уходя, бросил прощальный взгляд на парк и увидел Хана. Знакомая волчья фигура неспешно трусила по асфальтовой дорожке, вытянутой вдоль парка. Левое ухо разодрано в клочья в давно позабытой драке, правое победно торчит, могучий игольчатый загривок покрыт пепельной шерстью. Сильные кривые лапы с мощными, сточенными об асфальт когтями – лапы настоящего кочевника, не признающего оседлой жизни.

На улице Пушкина Хан появлялся пять-шесть раз в сезон. Измотанный, исхудавший, он благодарно отъедался объедками, что заботливо таскала ему не только детвора, но и взрослые, и снова убегал шататься по городу. В разное время его видели на Ключевой и на Кукковке, в Сулажгоре и даже на Птицефабрике. Людей сторонних вид здоровенной овчарки приводил в трепет, но местные Хана жалели и опекали как могли. Хозяин его, живший в соседнем дворе, умер года три назад, а с родственниками, хорошими и добрыми, но все же чужими людьми, гордый пес ужиться не сумел. Так и скитался по городу, чудом уходя от облав и переживая зимы.

Пес шел дерганой походкой, подволакивая заднюю лапу, и поминутно останавливался, крутя лобастой башкой. Серый сразу предположил худшее – кончилась песья удача, лохматый словил-таки отравленный дротик от собаколова! Будь Хан поменьше – лежать бы ему сейчас на обочине, пуская пену сквозь сомкнутые клыки, но раз идет, и, похоже, идет давно, значит, есть шанс, что закаленный бродяжьей жизнью организм победит отраву. Главное – успеть раньше собаколовов...

Последнюю мысль Серый додумывал, уже выбегая из подъезда. Как был, в потасканном спортивном костюме и растоптанных домашних тапках – только бы мама не увидела! – Серый обежал дом, выскочил со двора на улицу. Проезжая часть пустовала, лишь вдалеке ползли две яркие фары – не они ли преследуют Хана? Перебежав дорогу, Серый призывно засвистел, захлопал ладонью по бедру.

– Хан! Хан, ко мне, мальчик! Ко мне!

«Мальчик» уверенно доставал Серому до пояса, но, услышав знакомый голос, вывалил розовый язык, улыбаясь широкой черной пастью, и вяло завил хвостом. Пес покоивался навстречу Серому, ткнулся мокрым носом в протянутую ладонь, приветливо лизнул. Серый заметил глубокие алые борозды на впалом боку. Три уродливые полосы лениво сочились кровью. Серый заглянул с другого бока – так и есть! Зеркально отраженные раны были и здесь. От сердца отлегло – значит, все же не собаколовы. А раны... ну а что раны? Заживут, Хану не впервой. Хотя такую серьезную трепку...

– Это кто же тебя так, мальчик? С медведем подрался, что ли?

Осторожно касаясь окровавленных боков пальцами, Серый пытался представить себе противника Хана. Выходило что-то среднее между тигром и динозавром. Хан нервно подергивал шкурой, но стоял смирно. Доверял. Лишь настороженно следил умными глазами за парком да шевелил ушами, прислушиваясь.

Серый тоже напряг слух. Подумал, а ведь в самом деле – вдруг обидчик Хана все еще здесь? В унисон его мыслям в парке зашуршала прошлогодняя листва. Быстро-быстро, словно кто-то большой бежал по ней, не особо стараясь двигаться бесшумно. Под невидимой лапой хрустнула ветка. «Под невидимой когтистой лапой, способной вспороть дубленую шкуру Хана», – поправил себя Серый.

Стало неудобно. Шум затих, и Серый понял: сколько ни вглядывайся – в парке не разглядеть ничего, кроме зелени кустов, переплетенной с зеленью деревьев. Он и не заметил, когда вечер перестал быть просто пасмурным и стал по-настоящему темным. Фонари не зажигались – конечно, в Петрозаводске сезон белых ночей, так любимых туристами! – под низкими кронами деревьев расплзлись уродливые тени, похожие на паучьи лапы.

Низкий утробный рык раздался так неожиданно и так близко, у самых ног, что Серый испуганно подпрыгнул. Рычал Хан. Вонзив передние лапы в асфальт, пес не мигая смотрел на ровную стену кустов и с ненавистью клекотал горлом. Что-то шевелилось там, в сыром зеленом мраке. Нарочно похрустывало, шуршало, шелестело, тянуло хищные тени к мальчику и собаке, что, на свою беду, оказались на поздней улице одни. Совсем одни.

Не отрывая глаз от зарослей, Серый неловко попятился. Хан рычал все глуше, все яростнее. Правая нога соскользнула с бордюра, и Серый чуть не вывалился на дорогу. В последний момент поймал равновесие и удержался на самом краю. Обдав его взмокшую спину ветром, мимо, недовольно сигналя, промчалась красная «Ауди». Давящее чужое присутствие тут же исчезло. Серый постоял с минуту, прощупывая взглядом знакомый с детства парк, ставший вдруг таким опасным. Ничего. Никого. Руку поддела широколобая голова – Хан больше не рычал, требовал ласки и внимания. Серый рассеянно почесал его за ухом:

– Пойдем-ка, мальчик, приведем тебя в порядок.

Он сказал это больше для себя, чтобы услышать человеческую речь и успокоиться. Но вопреки всему звук собственного голоса посреди пустынной улицы заставил его задрожать так, что застучали зубы.

* * *

Раны обрабатывали в подъезде, сидя на холодных ступеньках. Пока Хан расправлялся с сосисками, Серый осторожно выстригал маникюрными ножницами подранные бока. Очищенные от шерсти раны выглядели еще страшнее – глубокие, длинные, вспухшие по краям. По хорошему их бы следовало промыть, но Серый решил, что на такие подвиги собачьего терпения не хватит. Дома нашелся бинт и открытый тюбик «Пантенола». Серый выдавливал мазь на бинт и обматывал раны, перехватывая повязку под впалым брюхом.

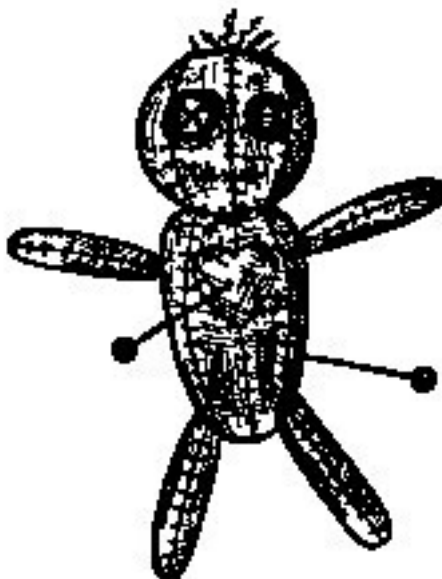
Покончив с сосисками, Хан облилиз ступеньки и кинул благодарный влажный взгляд на своего спасителя. Серый затянул последний узел, похлопал по костлявой спине. От рук воняло

псиной – впрочем, псиной теперь вонял весь подъезд. Серый с тоской подумал, что надо бы вывести Хана на улицу, к его любимому месту за детской площадкой, но одна только мысль о том, чтобы вновь оказаться там, в темноте, скрывающей... скрывающей...

Серый чертыхнулся, подумав вдруг: а что, собственно, он там видел? Ну, бегал кто-то по кустам, да. Ну, шуршал громко. Ну, намял кто-то Хану бока. А дальше-то что? Есть собаки и покрупнее Хана. Взять хотя бы Берту, сенбернара из соседнего двора. Да ей Хан на один зуб! А в кустах любая болонка трещит громче двухметрового лося! В конце концов, никто не выскочил, не попытался их сожрать... Но тогда откуда эти противные ледяные мурашки по спине, стоит только вспомнить об этом? И ощущение враждебного взгляда – оценивающего, цепкого... Почему с такой тоской и надеждой смотрят глаза Хана? От кого ищет защиты бесстрашный бродяга?

Серый передернул плечами, скидывая неприятную дрожь. Сходил на кухню за веником, тщательно смел стриженую шерсть со ступеней. Хана отвел на самый верх, на пролет между чердаком и пятым этажом. Здесь было тепло и сухо и можно было переждать утро, не попадаясь на глаза взрослым. Хан нервничал, все норовил пойти за Серым, и огромного труда стоило уговорить его остаться. Огромного труда и еще одной пачки сосисок.

Вернувшись домой, Серый первым делом включил везде свет. Даже в туалете и ванной комнате. Было в парке что-то или не было, но со светом он чувствовал себя спокойнее. Серый включил телевизор, забрался с ногами на диван и закутался в одеяло. Он твердо решил дожждаться маму и только потом ложиться спать. Даже самому себе Серый отказывался признаваться, что один, в пустой квартире, заснуть попросту не сможет.

Сима

Мама привела ее на площадку и сказала «Недолго». Она пекла рыбный пирог и приглядывала за Симой из окна. Видимо, ей казалось, что дочке нравится играть на улице. На жаре песок высох, стал рассыпчатым и никак не желал лепиться в куличики. Бесформенные кучки, десять штук в рядок, и Сима упрямо утрамбовывала в ведро одиннадцатую. Жгучее солнце, от которого не спасала тень пластикового грибочка, утомило ее, даже косички висели бес- сильно, как умирающие от обезвоживания змеи. Сима мечтала о персиковом соке – на дверце в холодильнике стоял почти полный пакет, – но продолжала ковыряться в песочнице. Пустой подъезд наводил ужас, и Сима терпеливо ждала, когда по двору пройдет кто-нибудь из соседей, чтобы можно было пристроиться в хвост.

Сима не хотела расстраивать родителей. Когда папа отыскал ее за шкафом, бьющуюся в истерике, он неслабо перепугался. Не разбираясь во времени, Сима не могла сказать, сколько она там просидела, знала лишь, что это было очень-очень долго. Даже когда страшные крики прекратились, а дверь перестала трястись, Сима боялась вылезти из своего убежища и лишь тихо скулила – слезы закончились. Она долго не могла прийти в себя и до сих пор вздрагивала, слыша мамин голос, но так и не рассказала родителям о том, что ее напугало.

У турников околачивались старшие мальчики. Юра жил с Симой в одном подъезде, только на третьем этаже. Он был смешной, губастый и длинноносый. Юра называл ее мелкой и иногда угощал конфетами. Сима искоса поглядывала в надежде, что он соберется домой. С ним можно спокойно дойти хотя бы до третьего этажа, а если обогнать, то можно успеть добе- жать до пятого, только Юра все сидел на корточках и плевался на утопанную землю.

Еще были рыжий Антон и Жан. Жан из них самый красивый, только прическа у него смешная, как у девочки. Рыжий Антон висел вниз головой, зацепившись за перекладину ногами и раскинув руки. Когда он раскачивался, Сима крепко зажмуривалась. Ей казалось, что он вот-вот сорвется. Мальчишки о чем-то горячо спорили. Мама, конечно, много раз говорила Симе, что чужие разговоры подслушивать нехорошо, но мальчишки не таились, так что она вроде как и не подслушивала.

– Ну конечно, ага! Баба Клава – авторитет!

Рыжий Антон кивнул. Получилось это очень смешно, потому что кивнул он снизу вверх. Сима хихикнула.

– Она ни одной передачи по «Рен-ТВ» не пропускает. Про пришельцев, про экстрасенсов, про барабашек всяких. Да у нее уже шарики за ролики давно заехали с этим телевизором!

– Пусть не авторитет, но она заметила, что птицы пропали, а мы не заметили, – рассуди- тельно ответил Жан. – Так что шарики у нее еще о-го-го!

– Серьезно, птиц нет, – вставил Юра.

Сима огляделась и с удивлением поняла, что птиц действительно нет. Ни ворон, ни вез- десущих голубей, ни даже нахальных воробьев. Сима с опаской покосилась на свой подъезд. Подъезд ответил ей безразличным взглядом тусклых, плохо вымытых окон. Поспешно отвер- нувшись, Сима перевернула ведро с песком и принялась тщательно обстукивать его лопат- кой. Мальчишки продолжали спорить.

– ...да все кошки весной гуляют! Клео что, особенная? Нагуляется и придет...

– Тоха, ты вообще непробиваемый! – Жан начал терять терпение. – А как насчет Альмы? А Топа вообще пес – они тоже по весне гуляют? И вообще лето уже!

– Топа дурной, убежал и где-нибудь под машину попал, или бомжи его сожрали, – невоз- мутимо ответил Антон, от долгого висения вниз головой ставший уже не рыжим, а пунцовым. – Альма залезла под диван и сдохла. У бабы Клавы так воняет, что она и не почувствует. Как тебе такой ответ, а? Может такое быть? Может!

Он раскачался, ловко крутанулся, и приземлился на ноги, четко, будто точку в споре поставил. Юра снова сплюнул на землю и кивнул, соглашаясь. Жан беспомощно переводил взгляд с одного на другого, и Симе было его даже жалко, хотя она не могла понять, о чем вообще идет речь.

– Хорошо. Хорошо, – Жан упрямо сжал губы. – А с Ханом что?

– А кто его знает, – безразлично пожал плечами Антон. – Вон он плетется, сейчас посмотрим.

Из-за дома, припадая на заднюю лапу, ковылял перемотанный грязными бинтами Хан – бродячий пес, страшный и лохматый. Сима побаивалась его, хотя остальные малыши тягали его за уши и за хвост и он ни разу никого не укусил. Рядом с Ханом, почесывая его за ухом, шагал Сережа, очень вежливый и опрятный мальчик. Симе он всегда казался самым тихим из этой компании, которую Симин папа называл не иначе как «банда». Когда он их видел, то прямо так и говорил: «Вся банда в сборе!»

Ребята присели перед Ханом, аккуратно сняли одну повязку, принялись многозначительно цокать языками и перебрасываться короткими фразами, из которых Сима поняла, что пса кто-то покусал или поцарапал и что рана была «нунифигасебеваше!».

– М-дааа... – наконец протянул Антон. – Вот это уже странно, без вариантов.

– Ну, а мы что говорили? – Жан пихнул Сережу локтем. – У нас тут какая-то зараза прямо под носом таскает собак и кошек!

– И птиц... – многозначительно вставил Сережа.

– М-дааа... – повторил Антон, задумчиво глядя Хана по довольной улыбающейся морде.

– Что-то ондохлый совсем. Надо бы подкормить, – сказал Юра, поднимаясь. – У меня мамка куриных ножек нажарила. Сгоняю прихвачу парочку.

Сима поспешно засобиравалась, вытряхнула из ведерка песок, покидала туда лопатки и поспешила к подъезду. Еле успела – Юра заметил ее и придержал дверь:

– Что, мелкая, нагулялась?

Он улыбался так искренне, что Сима вдруг выпалила:

– Юра, ты только быстро не беги, пожалуйста!

– Что? – не понял Юра, останавливаясь.

Потупившись, Сима пробормотала:

– Я с тобой пойду. Можно?

– Вот это новости! – удивился Юра. – Ну ладно, раз так. Пошли, проведу.

Сима едва не запрыгала от радости. Подъезд перестал казаться темным и мрачным. Стены посветлели, потолок больше не нависал, а тени в углах оказались всего лишь тенями. Сима шла рядом с Юрой и старательно гнала мысль о том, что то страшное, невидимое – вдруг оно совсем не боится Юры? Ведь Юра тоже еще не совсем взрослый.

– Ну и кого ты боишься? Бабу-ягу? Кого там теперь дети боятся? Зомби, может?

– Нет, – Сима затрясла косичками. – Я вообще никого не боюсь.

– А почему тогда в подъезд одна не заходишь?

Уши Симы запылали оттого, что ее так легко раскрыли. Она остановилась, глядя на Юру с вызовом:

– Это она!

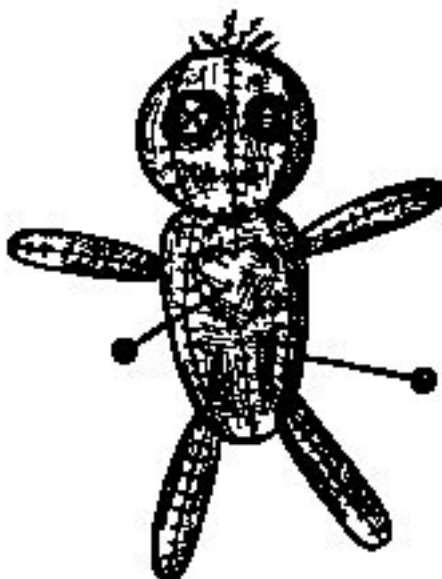
– Кто «она»? – не понял Юра.

– Она! – Сима топнула ногой. – Та штука, что таскает кошек и собак! Она ко мне домой приходила! Она мамой моей притворялась и пугала меня!

– Постой-постой, мелкая! Ты что, слушала, о чем мы там болтали? – Юра положил ладонь ей на плечо. – Брось! Это ж ерунда все! Это игра такая!

Он мягко направил ее дальше, медленно пошел рядом, рассказывая, как несколько лет назад Жан, насмотревшись «Блэйда», повел их ловить вампиров в заброшенное заводское бом-

боубежище. Как Серый вычитал в Интернете, что можно перекувыркнуться через пень и стать оборотнем, и как они два дня кувыркались в парке через низенькие, пожеванные гнилью пни. Как они играли в нашествие зомби с мальчишками из соседнего двора, разукрашивали лица и доводили до икоты местных старушек. Он убеждал ее, что пожирателя кошек не существует и самое страшное существо, живущее в этом подъезде, – это Николай Федорович, председатель совета дома и бывший директор школы. Юра оставил Симу у двери квартиры, сам позвонил в звонок и велел ничего не бояться. Но Сима знала – это не ерунда и не игра. Это все взаправду, и, если не быть осторожной, однажды жуткий невидимка снова за ней явится.

Юрка

Сидеть в пустом дворе, где даже птицы не поют, было неудобно, как на кладбище ночью. Не то чтобы Юрка знал, каково это, но представлял себе примерно так. Вроде бы и день, солнце печет, а все равно не по себе. Дома было не так жутковато, но неимоверно скучно. Комп надоел, в Сети стоял полный штиль, телик показывал какую-то ерунду для домохозяек.

Серый, жмот, уехал с родителями в деревню на все выходные, но приставку Юрке оставлять отказался, повез с собой. Вот какой человек ездит проводить бабушку и берет с собой приставку?! Тоху отец потащил на ночную рыбалку. Они предлагали захватить с собой Юрку, но тому эта комарино-костровая романтика совершенно не нравилась. Вся надежда была на Жана, но и тот уехал с семьей в Кондопогу, на юбилей к тетке. Обещался вернуться к вечеру, но то когда еще будет! Скука наваливалась на Юрку серым мешком, неподъемным и пыльным.

Из-под крыши дома донесся грохот кастрюль и слышались звонкие женские крики. Юрка с интересом искал глазами окна квартиры. Пятый этаж, окна кухни открыты, белые занавески полощет ветерок. Скандалили Кабановы – буднично, по издавна заведенной традиции выходного дня. Кажется, тетя Валя распекала дядю Семена за пьянство, дядя Семен вяло оправдывался. Все это было настолько знакомо, что Юрка невольно усмехнулся.

Спустя пять минут дядя Семен выкатился на улицу. Серая от пота и грязи майка кое-как заправлена в треники с лампасами, рваные домашние тапки шаркают по пыльному асфальту. Плешивая макушка ошетичилась венчиком сальных волос, тощую шею оттягивала тяжелая золотая цепь с внушительным крестом, на плече синела старая армейская татуировка, в которой при желании еще можно было разглядеть контуры обнаженной женщины. Дядя Семен гонял фуры в Финляндию и обратно и всегда был при деньгах. Десять-двенадцать рейсов в год с лихвой закрывали все его нехитрые потребности. Пить дядя Семен давно бросил, но изредка давал слабину и срывался.

– Проветрись иди, алкаш! – крикнула из окна раскрасневшаяся тетя Валя.

– Коза! – обиженно крякнул дядя Семен, но тихо, чтобы жена, не дай бог, не услышала.

Вынув из кармана мятую пачку, подцепил сигарету слюнявыми губами и лениво поплелся к скамейке. Заметив Юрку, взмахнул рукой:

– Здорово, шкет! Как жизнь молодая?

– Здоров, дядь Семен. Нормально все.

– Ты дурак, нет? – наигранно обиделся дядя Семен. – Какой я те дядя? Сеня я! Просто Сеня!

Он развалился на скамейке, вытянув длинные мосластые ноги, ленивый и довольный, как уличный кот, запыхтел сигаретой. Выжженный воздух пронзила резкая табачная вонь. Юрка поморщился, но остался на месте. Ему нравился дядя Семен, его незлобивый взгляд на жизнь, добродушие и умение общаться на равных даже с детьми.

– Чего кричали-то? – спросил Юра. – Тетя Валя пилит?

– Те-тя Ва-ля. – Дядя Семен скорчил злобную рожу. – Коза твоя тетя Валя!

– Чего так?

– А того, что мужу! Родному мужу не верит! И кто она после этого?!

Выцветшие глаза его драматично закатились. Он с досады сплюнул под ноги, но тут же, смутившись, затер плевков тапкой. В присутствии Юры сигарету он прятал в ладони и стыдливо дымил в сторону,

– Не женись, шкет, – мудро изрек дядя Семен. – Хотя и то верно; уж если жена не верит, может, серьезно зря я эту гадость пил?

– Так а чего случилось-то?

Дядя Семен любил поболтать. Обычно он и в поводе не нуждался, были бы уши свободные. Но не сейчас. Сухие губы поджались, вытянулись в исчезающе-бледную линию. Пропитанные никотином желтушные пальцы вздрогнули предательски, роняя с сигареты столбик пепла. Бросая на Юрку странные косые взгляды, дядя Семен молчал непривычно долго и как-то гнетуще. Когда же наконец решился и посмотрел прямо в глаза, Юрку проняло до самого копчика.

– Слушай, шкет... ты вот веришь, что бывает чертовщина всякая?

– В колдунов, что ли? – не понял Юрка.

– Ты дурак, нет? В чертовщину, ну? Пара... в как его... в паранормальное веришь?

– Не знаю, – подумав, честно ответил Юрка. – Не встречал никогда...

– И не надо тебе такое встречать, – торопливо закивал дядя Семен. – А то поседеешь раньше времени. Ладно у меня и так волос нет, а и то...

Он взлохматил пятерней редкий венчик, седой уже лет десять как.

– А вы... в смысле ты... что-то видел? – насторожился Юрка.

Вспомнились тут же пропавшие питомцы, про которых рассказывал Жан, и странные шрамы на боках Хана. «Вот оно!» – подпрыгнул от радости внутренний сыщик. По телу разлился сладковатый страх. Как от фильма ужасов, виденного уже тысячу раз, но оттого не менее жуткого.

– Вчера ночью не спал... ну, знаешь, это... Вышел на балкон покурить. Белая ночь, на улице ни души, только на Набережной, слышу, куролесят. В парке листочки шелестят, прохладно так, красота... я уже докурил почти, повернулся, значит, чтоб домой зайти, а там оно... Такая, знаешь, морда... я даже не разглядел толком. Только вижу – зубы, зубы, зубы. И много так, и острые такие, зар-раза. И так близко ко мне, сантиметров тридцать...

На Юркиных предплечьях дыбом встали волоски. Вспотевшую спину лизнуло далеким холодом. Сжатые в нитку губы дяди Семена разошлись в щербатой улыбке, развеивая страх.

– Честно, струхнул я, аж глаза закрыл с перепугу, и все, что в легких было, все в эту морду прямо и выдохнул. А нечисть – она ж запаха табака не переваривает, ну и слышу, воздухом по лицу мне мазнуло – и по крыше, по крыше так – клац-клац-клац, вроде как ворона когтями. Только здоровая такая ворона. Я тогда глаза открыл – да прямо там и сел. Ноги ватные, трясет всего. До утра заснуть не мог. А утром моей рассказал, а она... ну, сам все слышал... Такая вот петрушка, шкет.

Упавший на землю окуроч дядя Семен старательно затоптал ногой.

– Вот тебе крест, малой, видел эту пакость прям как тебя сейчас, – тихо сказал он. – А эта коза не верит! Ты-то веришь?

– Верю, дядь Сень, верю, – твердо сказал Юрка, спрыгивая с забора.

– Ты дурак, нет? Какой я тебе...

Но Юрка уже не слушал. Развернув бейсболку козырьком назад, он мчался к себе домой, на ходу набирая эсэмэску: «Иду на разведку».

* * *

Попасть на чердак можно было из любого подъезда, но сломанный, болтающийся на вырванной дужке замок имелся только во втором. Деревянная, обитая жестью дверь, пропуская Юрку, предупредительно скрипнула. Здесь, в двух шагах от пропахшей пылью тьмы, запал приглух, и слабый огонек его трепетал, держась на одном лишь гоноре. Чертова эсэмэска, отправленная десять минут назад! В кои-то веки захотелось погеройствовать, стать в глазах всего дома не Юркой-клоуном, а Юркой – победителем неведомой нечисти! Какие теперь найти слова, чтобы объяснить друзьям, почему он вдруг передумал идти в разведку?!

Потную ладонь оттягивала толстая палка с грубой рукоятью – недоделанная бита, выточенная на уроке труда. Жан презрительно называл ее скалкой, но с ней Юрке было поспокойнее. Рассуждая логически, страшила эта, должно быть, не очень крупная. Кошек таскает, собак, но вот с Ханом не сладила, только бока подрала. Да и дядя Семен цел остался явно из-за своих размеров. В то, что тварь боится табачного запаха, Юрка не верил. А уж с тем, у кого силенок хватает только на кошек да мелких шавок, можно и палкой побиться.

Двускатная, обитая железом кровля держалась на толстых, покрытых красной краской балках. Влажный воздух от идущего снизу тепла и раскаленной на солнце крыши оседал мелкой росой на висках и над верхней губой. Под ногами проминался утеплитель, обволакивая кроссовки серыми клубами. Пыль была везде: лениво кружилась в падающих сквозь щели лучах, косматой бахромой свисала со стропил, плотным ковром неземных спор облепляла старую мебель, грудой сваленную возле выхода. Юрка ожесточенно тер свербящий нос, боясь неосторожным звуком выдать себя. Фонарик на телефоне включать не стал по той же причине. Впрочем, света, падающего из слуховых окон, с лихвой хватало, чтобы разглядеть даже самые темные углы.

Улица шумела автомобилями, далекой музыкой из кафешек Онежской набережной. Сквозь перекрытия доносились голоса жильцов. Где-то лилась вода, гремела кухонная посуда, бормотал телевизор. Хорошо знакомые звуки отпугивали страх, истончали его. Юрка вытер потные ладони о шорты и взобрался на центральную балку. Ее ширины хватало, чтобы идти, не заботясь о равновесии, а вид оттуда все-таки был получше. Мягко ступая по занозистому дереву, Юрка пристально вглядывался в серый полумрак. Вот это, впереди, человеческий череп? Нет... выцветшая оранжевая каска, забытая монтажниками. А что это за черная тень колышется под самым скатом? Привидится же такое! Всего лишь рваный кусок рубероида... Юрка тщательно исследовал закуток первого подъезда, вновь прошел мимо открытой двери второго и двинулся в глубь чердака. В неизведанное.

Ему хотелось ощущать себя отважным первооткрывателем диких земель, охотником за чудовищами, но чердак был миллион раз исхожен вдоль и поперек, и не было здесь места, способного удивить или напугать. Опасливо заглянув за угол, Юрка миновал третий подъезд. Осторожно переступая через разложенные на пути забытые молотки и клещи, прошел мимо четвертого. Разочарованно глаза по сторонам, остановился у закрытого выхода из пятого. Многообещающее приключение стремительно оборачивалось крошечной скукой. Оставалась надежда, что именно там, за поворотом в последний, шестой подъезд, обустроил свое логово пожиратель домашних питомцев. Крепче стиснув «скалку», Юрка решительно повернул за угол...

Оно действительно оказалось там.

Лежа на балке, скалился желтыми клыками высохший кошачий трупик. Кожа на Юркиных предплечьях пошла мурашками. Тонкие ледяные лапки быстро разнесли их по плечам, спине и затылку. Палка больше не казалась таким уж надежным и грозным оружием. С каждым шагом раздутые ноздри улавливали едва слышный душок тления. Так воняют дохлые вороны и крысы – и, должно быть, кошки. Еще одна мумия, обтянутая бесшерстной серой шкурой, валялась на полу. Клео. Юрка с трудом узнал пропавшую кошку Жана.

Надо было уходить прямо сейчас. Поворачивать и тихонько идти обратно, не забывая оглядываться через плечо. Но Юрка не мог. Смахивая со лба заливающий глаза пот, он крался вперед, чтобы увидеть наконец, что же за диковинное создание поселилось у них на чердаке. Мальчишеское любопытство пересилило страх.

На полу, утопая в пыли, лежали звериные тушки: голуби, крысы, кошки. Все сухие, как мумии, шкура да кости. Выпотрошенные грачи разбросали черные крылья. Щерились пустоглазые псы черепа. Их не спасли ни клыки, ни когти. Таинственный зверь оказался сильнее и проворней.

С каждым шагом под слуховым окном проступали очертания чего-то крупного, темного. Солнце мешало разглядеть детали, и Юрка подался вперед, приложив ладонь козырьком ко лбу. Темное нечто шевельнулось лениво, зашуршал рвущийся утеплитель. С колотящимся в горле сердцем Юрка потрясенно уставился на широкое кожистое крыло с кривым зазубренным когтем на конце.

Тварь улеглась, замерла, вновь превратилась в сгусток черноты посреди витающей в воздухе пыли. Невыносимо хотелось ее сфотографировать, но Юрка это желание переборол. Щелчок камеры разбудит спящую тварь, а драться с ней, имея в руках одну лишь палку, не хотелось – существо оказалось крупнее, чем он рассчитывал.

Бесшумно, насколько это возможно, Юрка начал пятиться. Существо больше не шевелилось – похоже, дремало, – но лучше не рисковать. Свернув за угол, Юрка малость успокоился и пошел бодрее. Сердце забило ровнее, убрались, втянулись обратно в кожу проклятушие мурашки. Только бегущий по спине пот оставался неприятно ледяным.

Поминутно оборачиваясь, Юрка миновал четвертый и вновь повернул за угол в третьем подъезде. Впереди уже должен был замаячить светлый прямоугольник выхода, но он все не появлялся. Дыхание сбилось, зашумела кровь в ушах. Этого не может быть, только не сейчас!

– Нет, нет, нет, – шептал Юрка, едва не срываясь на бег.

Спрыгнув с балки, он подскочил к закрытой двери, навалился плечом. Не тут-то было! Дверь скрипнула, но не поддавалась. Кто-то закрыл ее снаружи. Дверь, которую никогда не закрывали, кто-то закрыл снаружи! Это было так несправедливо и обидно, что Юрка еле сдержался, чтобы не заплакать. С досады саданул кулаками по нагретому железному листу. Приложил губы к щели между полотном и косяком, позвал умоляюще:

– Эй, есть кто?! Вы меня заперли!

Чертыхаясь и вглядываясь в чердачный полумрак, выудил из кармана телефон. Трясущими пальцами набил сообщение «заперли на чердаке тут дракон пойду через крышу», отправил друзьям. Помощи от них сейчас не дожидаться, но мало ли... Уходить в самом деле придется через крышу, там есть пожарная лестница. Придется спрыгивать со второго этажа, но это лучше, чем выяснять, сможет ли дракон средних размеров одолеть мальчишку с палкой.

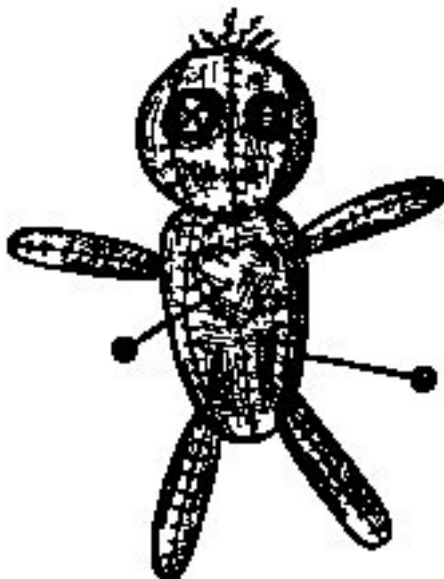
Коротко пикинул телефон. Юрка открыл сообщение. Тоха писал: «Ты чего несешь какой дракон». Юрка почесал затылок и ответил: «С крыльями». Подумал секунду и добавил: «Пока еще небольшой». Он нажал «отправить», оторвал глаза от мерцающего экрана – и обомлел. Скалка выпала из ладони, глухо потонула в пыли. Дракон оказался не просто большим. Он был огромным.

Непонятно, как такая махина подобралась настолько тихо, но сейчас это было не важно. Подпирая рогатой головой кровлю, дракон раскинул черное полотно крыльев от края до края крыши. Желтые глаза светились голодом и тупой злобой. Матово поблескивала стальная чешуя. И зубы, дядя Семен не соврал – зубы были повсюду: кривые, похожие на щучьи, они торчали в несколько рядов, и меж ними сновали крохотные всполохи оранжевого пламени.

Распахнулась пасть, пронзая влажный воздух тонким, совершенно недраконьим визгом. Парализованный страхом, Юрка едва не проморгал, когда качнулась змеиная голова на длинной чешуйчатой шее. Он отпрыгнул в самый последний момент, откатился в сторону, тут же вскочил на ноги и в два прыжка достиг слухового окна. Разрезая ладони об острые кромки плохо загнутого железа, Юрка подтянулся и вывалился наружу, на обжигающе-горячие, крашенные суриком листы.

От драконьего визга, зависшего на одной высокой ноте, хотелось зажать уши. Поспешно втянув ноги, Юрка поднялся и, как ни был напуган, все же нервно хохотнул. Он перепутал подъезды. Никто его не запирает, открытая дверь была чуть дальше. Держась за ограждения, Юрка поспешил к первому подъезду. Там лестница, там спасение, там...

Он совсем забыл, что по пути ему попадется еще одно слуховое окно. Когда из ниоткуда выстрелило темное крыло и зазубренный коготь, ломая кость, вонзился в щиколотку, Юрка не почувствовал боли – одно лишь глупое удивление. Сила удара отбросила его к краю крыши. Под коленки толкнули ржавые перила, и Юрка, не успев испугаться, полетел навстречу асфальту.

Жан

На похороны явился чуть ли не весь двор. Так сложилось, что большинство жильцов знали друг друга если не поименно, то в лицо уж точно. Женщины прикладывали платки к мокрым глазам, мужчины хмурились, скупно перебрасываясь ничего не значащими фразами. У подъезда дремал до поры черный фургон с траурными лентами. Мир казался застывшим куском смолы, липкой и мутной. Не было шума, свойственного большим собраниям. Придавленные общим горем, жильцы разговаривали на пониженных тонах, ходили на цыпочках. Одно лишь солнце весело румянилось аппетитным оранжевым блином. Оно грело всю планету, и в его масштабах потеря одной маленькой жизни значила не много. Мальчишки стояли у фургона, чувствуя странное опустошение внутри. Будто то место, которое раньше занимал неугомонный, язвительный, вредный Юрка, теперь затопило ледяной водой.

– Даже ворон нет, – разглядывая грязные носки кроссовок, выдавил Серый. – Эта гадина и ворон сожрала...

Мимо, ведомые бойкой Клавдией Ивановной, проковыляли две сухонькие старушки из первого подъезда.

– Что за беда такая? Только-только Иван Георгиевич преставился... – скорбно кивала одна, с фиолетовыми волосами. – А мальчонка-то молодой какой, ай-яй-яй!

– Високосный год, – многозначительно воздел палец Клавдия Ивановна. – По телевизору показывали передачу – в високосный год всегда много людей умирает. В прошлый високосный у меня четыре подружки померли...

Знойный ветер лениво теребил пожухшие кроны деревьев. На газоне поникла трава. Мальчишки устали. От жары, от непривычных тесных рубашек и отглаженных по стрелочке брюк, от утешительных хлопков по спине, от скорбных лиц. Устали от горя и слез, хотя ни один из них даже под страхом смертной казни не признался бы, что плакал.

– Пошли? – хрипло предложил Тоха.

Жан сосредоточенно кивнул. Серый понурился, пряча глаза:

– Н-не могу! Не могу! Я... я мертвяков боюсь.

Он замотал головой, стыдясь своего страха, не в силах что-либо ему противопоставить.

– Это не мертвяк. Это Юрец, – сквозь зубы процедил Тоха, до белых костяшек сжимая кулаки. – Наш Юрец, слышишь?!

– Не могу, – еще ниже опустив голову, шепотом повторил Серый.

Нависнув над сгорбленным другом, Тоха яростно сжимал кулаки. Жан мягко взял его за локоть:

– Тоха, не надо...

Тоха зло потряхнул его руку, и на секунду Жану показалось, что драки не избежать. Глупой, абсолютно ненужной, какой-то совершенно детской драки. Но Тоха сплюнул на асфальт и, толкнув Серого плечом, скрылся в подъезде. Жан ободряюще похлопал друга по спине:

– Не кисни, все нормально...

– Ничего не нормально, – грустно вздохнул Серый. – Но я правда не могу. – Он помялся, теребя ворот рубашки. Покрасневшие глаза его влажно блестели. – Простись там за меня, ладно?

– Ладно, – очень серьезно кивнул Жан и нырнул в подъезд следом за Тохой.

* * *

Жан бывал в этой квартире миллион раз. Наверное, смог бы с завязанными глазами пройти в любую комнату, кроме спальни Юркиных родителей. В этой прихожей, встречаясь,

мальчишки крепко, по-мужски, жали друг другу руки. На этой кухне была съедена, наверное, тонна бутербродов и выпито сто литров чая. В этой комнате они часами играли за компьютером, смотрели кино, делали домашку и стояли на ушах. А теперь здесь стоял гроб.

Мрачные взрослые ходили по квартире как тени. Вся в черном, стояла на балконе Юркина мама, похожая на смерть. Жан был рад, что не видит ее постаревшего лица, не видит красных, до дна выплаканных глаз. Он бы с радостью ушел отсюда, смалодушничал, как Серый, но Тоха клещом вцепился в его запястье и тащил за собой. Понурые взрослые тени разлетались с их пути. Страшный гроб делался все ближе и ближе.

Жан старался не смотреть, но все же увидел краем глаза – неестественно бледного, в каком-то нелепом пиджаке, в галстук-бабочке. Да Юрка в жизни так не одевался! Жан зажмурился на секунду, представляя, что это просто кукла, манекен, а все происходящее – дурная шутка, до которых Юрка большой охотник. Но убитые горем люди, и согнутая спина Юркиной мамы, прячущей лицо в тонких дрожащих ладонях, и траурные ленты, букеты, свечи, тихие всхлипы – и сладкий тяжелый запах, – все это было настоящим, ужасным непоправимым настоящим.

Сложенные на груди руки Юрки оказались холодными и пластиковыми на ощупь. Жан словно потрогал покрытое воском яблоко, вынутое из холодильника. От этого сравнения его замутило, и он схватился за край гроба, чтобы не упасть. Откуда-то вынырнула крепкая рука, обхватила его за пояс и уверенно потащила прочь, подальше от этого кошмара, неведь как ставшего явью.

Поддерживаемый Тохой, Жан вывалился из подъезда, жадно хватая свежий воздух без примеси запаха смерти. Облокотившись на забор детской площадки, он глубоко дышал, унимая подползающую тошноту. Длинные волосы шторками повисли по обе стороны лица, скрывая его зеленоватый цвет. Тоха хлопал Жана по спине, дрожащим голосом бормоча что-то утешительное:

– Все хорошо, старик, все хорошо... я сам чуть в обморок не грохнулся... это все потому... это душно там просто, вот че...

Подошел Серый, смущенно переминаясь, встал рядом:

– Жан, ты как?

Жан оторвался от пахнущего нагретым металлом забора. Глаза его слезились, Серого он видел как сквозь пленку.

– Правильно сделал, что не пошел, – выдавил он. – Нечего там делать.

Что-то проворчал Тоха. Судя по тону, он был согласен, но признавать это напрямую не собирался. Серый подошел поближе, положил ладонь Жану на плечо:

– Что будем делать, пацаны?

– Что-что, – буркнул Тоха. – Ясен пень, полезем на чердак, найдем этого дракона и башку ему оторвем!

– Не полезем, – Серый помотал головой. – Не знаю, как у вас, а в моем подъезде старую чердачную дверь сегодня сняли и поставили новую, железную.

– Ну и что? – не понял Тоха. – Спилем замок и...

– Ты не понял? – перебил Жан. – Взрослые там были. Целая толпа взрослых. Они весь чердак перевернули и не нашли там ни фиги! Ну спилишь ты замок – а дальше что? Какой толк от этого, если там уже нет никого?

– Баба Клава трепалась, что там кучу зверья нашли, – тихо сказал Серый. – Всех наших потеряшек. И птиц еще...

– Знаю... Ох, Жанчик, там же и Клеопатра ваша, и Альмочка моя. – Жан скривился, передразнивая скрипучий голос Клавдии Ивановны. – Она думает, что это Юрка. Они все думают, что это Юрка...

– И что теперь? – помолчав, спросил Тоха. – Не искать? Забыть про все? Пусть дракон этот, или что там... пусть дальше кошек таскает?

– А как ты предлагаешь его искать? Объявления по городу расклеишь?

Тоха и Жан переглядывались зло и беспомощно. Серый задумчиво покусывал ноготь большого пальца.

– Знаете, пацаны... А что, если он по-прежнему там?.. Ну, вдруг взрослые его просто не видят, а?

Друзья молчали, обкатывая странную, пугающую мысль. Широкие плечи Тохи дернулись, и он выпалил:

– Давайте решим, – вот прямо сейчас решим! – кому мы верим?!

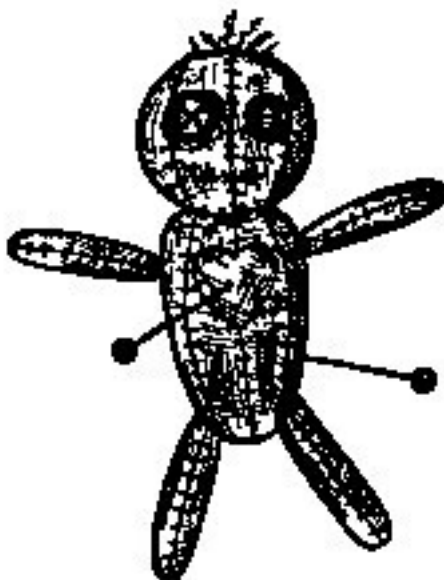
– Чего тут решать? – Жан неловко отвел глаза. – Мы верим Юрке.

– Он хоть и балабол... был... но кошек этих точно не он убил, – поддержал Серый. – Взрослые могли что-то проглядеть, не придать значения...

– Значит, – с нажимом продолжил Тоха, – нам все-таки придется подняться туда самим. Все обшарить, все разнюхать и понять, что это за дракон такой. Надо выждать недельку, чтобы все успокоились, перестали за чердаком следить, и наведемся туда...

– А если мы ничего не найдем? – неуверенно пробормотал Серый. – Что, на этом все и кончится?

– Нет, не кончится. – Жан задумчиво ковырнул землю носком туфли. – Мне кажется, все только-только началось.

Серый

Это казалось невероятным, но следы Юркиного убийцы действительно отыскивались с помощью объявлений. Вечером, когда спала жара и с Онеги потянуло долгожданной прохладой, Серый вышел на улицу с планшетом под мышкой. Вид у него был на редкость самодовольный, но он все же терпеливо дождался, когда на площадку выползет хмурый Тоха и вернется с тренировки Жан. В тени пластикового грибка Серый триумфально уложил планшет на колени. Пальцы вернули экран к жизни, раскрыли заранее подготовленную страницу городского форума.

– И чего? – хмыкнул Тоха недовольно. – Ты нам объявления читать будешь?

– Сам читай, блин, – обиделся Серый. – Или буквы забыл со своей качалкой?

– Да тихо вы! – поспешил вмешаться Жан. – Что там у тебя? Что это?

Серый все буравил Тоху обиженным взглядом, но тот и сам понял, что перегнул, и помалкивал. Без Юрки на площадке ощущалась незнакомая ранее пустота. Не хватало его болтовни и подколов, кривой ухмылки и скептически изломанных бровей. Слишком тихо, слишком много свободного места, которое раньше умудрялся занимать один Юрка. Оттого и цеплялись друг к другу ребята, неосознанно пытаясь вернуть потерянную атмосферу дружеского подтрунивания.

– Ладно, замаяли... – сказал наконец Серый. – Короче, это объявления о пропажах кошек, собак, всякой домашней живности. Вчера, перед сном уже, как молнией ударило! До двух ночи в Сети просидел, пока мамка в кровать не загнала. Вот зацените: «Разыскивается собака, порода пудель». А вот еще: «Пропаала собака, пекинес». Улавливаете?

– И че? – не удержавшись, встрял Тоха.

– Через плечо! На дату смотри!

– Ну? Так это почти месяц назад было, в мае еще.

– Ой, какой наблюдательный! – пропищал Серый язвительно. – А теперь адрес смотри, Шерлок!

– Ну, Ригачина, дальше что?

– Вот дальше и смотри, баран!

– Щас за барана кому-то в рог дам, – пообещал Тоха.

– Хорош лаяться, серьезно. – Жан примирительно поднял руки. – Ну пропала псина на Ригачина? Там же заросли вдоль озера. Чудо, что люди не пропадают.

– Дальше, дальше читай! – Серый нетерпеливо постучал пальцем по экрану. – Вот Ригачина! И вот Ригачина! И снова – улица Ригачина! Пудель, пекинес, кокер-спаниель, опять пекинес... И все в мае! Одних собак восемь штук пропало, а вы тут мычите – что дальше, что дальше!

– Маленькие все! – сообразил наконец Тоха. – Слышь, Серёня, а ведь это в самом деле след!

– Я, между прочим, так и сказал! – все еще сердито проворчал Серый. – Кошек там тоже валом пропало. И еще попугай. Но этот мог и сам улететь. А еще вот...

Пальцы с обкусанными ногтями открыли новую страницу. Сайт «Столица на Онеге» кричал ярко-алым заголовком «На улице Ригачина пропадают собаки и кошки. Местные жители подозревают сектантов-сатанистов». Серый быстро проскроллил вниз, до картинки с огненной пентаграммой, явно вырезанной из какого-то фильма.

– Так-то там ерунда всякая. Одна бабка видела подростка в капюшоне. Кто-то в подъезде перевернутый крест нарисовал. Какой-то мужик тоже что-то там видел, то ли лужу крови, то ли краску кто пролил, не понять. Короче, никого, ясно-понятно, не нашли, а потом зверье перестало исчезать и все про это дело забыли...

– У них перестало, значит, а у нас началось, так, что ли? – Тоха наморщил веснушчатый лоб.

– К нам перекочевало, – кивнул Жан. – Смотри: если по Ригачина двигаться, получается очень удобно. Самый край города, с одной стороны – дома, с другой – уже парки, заросли всякие, а за ними Онега. Может, он среди деревьев прячется, а в город кормиться залетает?

– С каких это пор оно вдруг летает? – удивился Тоха.

– Юрец, – горько напомнил Жан. – Юрец написал, что дракон с крыльями.

Вновь стало тихо и неуютно. Под грибком вяло кружила одинокая, сомлевшая на жаре муха. От песка под ногами поднимался запах раскаленной пустыни. Серый отключил планшет, зачерпнул песок носком сандалии:

– И что это нам дает?

– У меня есть кастет, – невпопад ответил Тоха.

– Что ты несешь?! Какой кастет?! – выпучил глаза Серый.

– На Зареку пойдем, к Колену. Он как раз на Ригачина живет, и половина его шайки тоже. Поговорим – может, расскажут чего по делу.

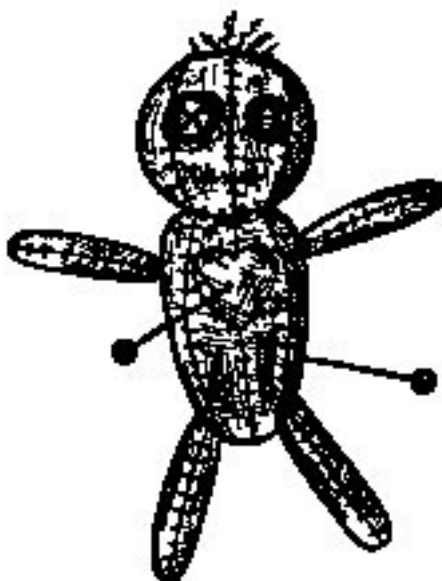
– Поговорим... – автоматом повторил Серый.

Загар его стал бледнее на несколько тонов. Зубы вцепились в обгрызенный до мяса ноготь. Вожака пацанов с нижней Зареки звали Толиком. В том смысле, что звали его так мама и бабушка, и то не наверняка. Для пятнадцатилетки он был невероятно огромен и прозвище свое заработал в многочисленных драках. Толик любил добивать противника коленом.

– Серьезный замес. – Жан задумчиво терев подбородок, поглаживая несуществующую бороду. – Вот что... не бери кастет. Без ничего пойдем.

– Без ничего... – вновь повторил Серый.

Грядущая перспектива самостоятельно искать встречи с Коленом замкнула в его мозгу какой-то контакт.

Тоха

Улица Ригачина вытянулась вдоль озера, но красивыми видами похвастать не могла. Отделенная от темного глянца Онеги производственными зданиями и неухоженными зарослями, она выглядела именно тем, чем и была – пыльными запущенными задворками. Отсюда было рукой подать до шумного центра и забитой туристами набережной, но Ригачина существовала как бы вне городской жизни. Здесь не светились завлекательные вывески клубов, сюда не водили приезжих, а дорога выглядела так, словно ее не ремонтировали со времен Великой Отечественной. Даже местные, казалось, не жили здесь, а обитали, готовые в любой момент сорваться и переехать.

По-настоящему родным это место было только мальчишкам, живущим в домах по четной стороне улицы. Замусоренные заросли стали их джунглями, а берег озера – пиратской бухтой. Они знали по именам всех окрестных сторожей и спросонья могли наизусть отбарабанивать расписание их дежурств. Где моют бутылки бомжи и где вырыла нору беременная бездомная овчарка, в каком подлеске растут кусты смородины и во сколько по дороге проезжает последний троллейбус – для неугомонных маленьких исследователей на родной улице не было тайн и загадок. За своих они стояли горой, а случайно забредшим на их территорию чужакам не давали пощады. Идти сюда втроем, да еще и с пустыми руками, было чистым безумием. Потому Тоха все же прихватил с собой кастет.

От гостиницы «Карелия» они прошли дворами, заглядывая на детские площадки, забираясь в подвалы, проходя насквозь заброшенные дома. Шаг за шагом они исследовали все места обитания местных хулиганов. Здесь тоже не было птиц, и это сразу бросалось в глаза. Лишь однажды они встретили одинокую ворону, уныло клевавшую пустую пачку из-под чипсов и косившуюся на чужаков умным черным глазом. На площадках сидели скучающие мамочки с колясками, у подъездов вросли в скамейки вечные бабушки, провожающие мальчишек подозрительными взглядами. Коленовской ватаги не было нигде, и Тоха начинал нервничать. Запал, с которым он подбил всех идти на чужую территорию, потихоньку угасал. Кастет, свинцовым весом оттягивающий задний карман, больше не придавал уверенности. Хотелось воспользоваться случаем и уйти, не потеряв лицо, но в этот миг к ним, застывшим в растерянности посреди очередного двора, обратилась дородная старушка, протирающая лавочку в тени куста сирени:

– Вы, поди, Толика ищете?

– А? – Тоха не сразу понял, о ком идет речь.

– Полчаса назад убежали. Он своих бесенят в кусты повел. – Старушка многозначительно покачала головой на толстой шее. – У них там халабуда. Точно-точно!

Слушая, как Жан от лица всех вежливо благодарит старушку, Тоха едва сдерживался, чтобы не наорать на глупую каргу. Так не вовремя сунуть свой длинный нос туда, куда не просили, это надо уметь! Он тоже кивнул – в знак благодарности, которой не испытывал. Не скрывая разочарования, горестно застонал Серый. Деваться было некуда, мальчишки перебежали дорогу и скрылись в зарослях, плавно уходящих на улицу Онежской флотилии.

Буйное сплетение веток и некошеной травы не имело названия. Не парк, не сквер – остаток дикого леса как он есть. На кустах, траве и ветвях деревьев серебрились нити паутины, с повисшими нотами росы. Под ногами то чавкали размокшие листья, то хрустел валежник, то поскрипывала сухая утоптанная тропка. Птиц и здесь было пугающе мало. Высоко-высоко, теряясь в кронах, тоскливо чивиркала крохотная пичуга, да еще, отвечая ей, хрипло каркала ворона. Зато ребята видели белку, похожую на облезлую крысу с очень пушистым хвостом.

Тоха пер тараном, отводя руками ветки, проламываясь сквозь высокую, почти по самую грудь траву. Неимоверно чесалась кожа, и в голову лезли непрошенные мысли о клещах, но

по зрелом размышлении Тоха приходил к выводу, что в свете грядущей встречи с Коленом возможные клещи – наименьшая из проблем.

Заросли раздалились внезапно. Проломив частокол кустов, Тоха вынырнул на открытое пространство, отплеываясь и смахивая с лица налипшую паутину. Сперва он заметил ее – халабуду, невероятное сооружение из досок и толстых палок, прилипшее к старому тополи болезненным наростом. То ли шалаш, то ли вигвам – обшитая фанерой, картоном и кусками полиэтиленовой пленки халабуда возвышалась над землей на добрых три метра и служила ригачинским пацанам штабом, местом для игр, укрытием от дождя, а иногда и настоящим домом. По крайней мере пара босоногих, вихрастых, карамельно-смуглых то ли от загара, то ли от грязи выглядела так, словно жила здесь не первый день. Лишь сейчас Тоха увидел их – увидел их всех – и невероятным усилием воли подавил трусливое желание юркнуть обратно в кусты.

За спиной, неохотно расступаясь перед Жаном, зашумели кусты. Не оборачиваясь, Тоха почувствовал, как друг сбился с шага, но все же подошел, встал рядом, плечом к плечу. Тоха скосил глаза – губы Жана беззвучно шевелились, подсчитывая противников. Пятерых, вместе с Коленом, хватило бы за глаза. Но вокруг сложенного из веток костерка сидело человек двенадцать, не меньше.

Трое старших, в шортах и футболках, устроились на поваленном стволе березы, лениво перекидываясь в «дурачка» замусоленными старыми картами. С ними сам Колено, похожий на огра среди гоблинов – бритый наголо, с уродливым белым шрамом, навсегда приподнявшим левую щеку в недоброй ухмылке. Еще трое ремонтировали южную стену халабуды, скотчем заклеивая драный полиэтилен, приколачивали ржавыми гвоздями разошедшиеся доски. Кучка малышни лет десяти возилась у самого костра, вырывая друг у друга бутылку газировки. Они так и застыли, забыв о дележке, круглыми от изумления глазами разглядывая невесть откуда взявшихся чужаков. А еще кто-то невидимый возился в самой халабуде.

Вновь затрещали кусты, выплунув изжеванного Серого. Тот вывалился на поляну, едва не упал, запрыгал на одной ноге, исцарапанными руками отряхивая рубашку. Наконец огляделся вокруг и тихо ойкнул. Этот испуганный возглас вернул онемевшую от такой наглости банду Колена в реальный мир. Все разом подобралось, напряжилось. Один из старших, видно чином пониже, с готовностью соскочил с бревна, вразвалочку направился к ребятам. На его недоверчивой физиономии непонимание боролось с желанием выслужиться. Наигранное презрение светилось в глазах, губы, подражая вожаку, кривились в нехорошей усмешке, хрустели костяшки разминаемых пальцев. Но нет-нет, а взгляд его вдруг срывался, начинал обшаривать кусты в поисках засады.

– Оп-па-ся... – деловито протянул кто-то из мелюзги. – Ща Рыба им заяснит, че почем...

– Шнобель! – не отрываясь от карт, гаркнул Колено.

Услышав это, из халабуды выбрался тощий носатый мальчишка. Увидел чужаков, моментально оценил обстановку и юркнул в заросли на другой стороне поляны. Через минуту голос его звонко возвестил, что незваные гости пришли втроем и больше никто по кустам не таится. Колено безразлично пожал плечами и шлепнул на бревно бубнового вала. Сидящий рядом мальчишка почесал облезлый нос и отбил тузом. Бутылка с газировкой осторожно пошла по рукам, младшие готовились к зрелищу. Строители отложили инструменты, похватили лежащие на земле палки. Осмелевший Рыба подошел вплотную, демонстративно сплюнул Тохе под ноги:

– Че, заблудились, девочки?

Малышня одобрительно заулюлюкала, зафыркала, давясь газировкой. Тоха хмуро сверлил шестерку взглядом. Он мог вырубить его с одного удара, и, будь один, давно бы так и сделал, а дальше будь что будет. Но плечом к плечу с ним стояли друзья, и Тоха наступил гордости на горло.

– Мы к Колену пришли, – громко, чтобы услышал вожак, сказал он. – Разговор есть.

Колено никак не отреагировал, задумчиво разглядывая лежащие на бревне карты. Кастет в заднем кармане перестал казаться грозным оружием. По совести сказать, Тоха им ни разу не пользовался и полагал, что от простой палки толку сейчас было бы больше.

– А ты кто такой вообще?! Кого знаешь?! – пошел в наступление Рыба. – Ты Колену родственник, что ли? – Он обернулся к вожаку и заискивающе позвал: – Толян, тут к тебе типа в родню набиваются!

– Не знаю таких, – снимая с колоды верхнюю карту, промычал Колено.

– Во, слышал, ты... – начал было Рыба, но наткнулся на Тохин взгляд и подавился заготовленным ругательством.

Тоха и сам чувствовал, как глаза наливаются кровью, как шумят в висках, мешая думать, гулкие молоточки. Рыба выводил его из себя. Как наяву, виделся Тохе собачий хвост, которым тот вилял, стараясь угодить вожаку. Едва сдерживаясь, чтобы не выбить шестерке зубы, Тоха так сосредоточился на себе, что совсем позабыл о друзьях и потому немало удивился, когда вперед шагнул Жан:

– Чего вы балаган разводите? Сказали же, серьезный разговор!

Рыба тут же обрадованно переключился на противника поменьше:

– Слышь, патлатый, а тебе кто варежку разевать позволил?

– Тебя не спросил. – Жан выпятил грудь колесом, сжал кулаки.

– Фигассе! – Рыба прищурился, точно только заметил. – А ты еще и с серьгой? Ты че, баба, что ли?

Тоха мысленно выругался и попытался ухватить друга за руку, но не успел. Коротко, без замаха, Жан ткнул Рыбу кулаком в лицо. Рухнув на утопанную землю, Рыба заныл, прижимая ладонь к расквашенному носу. Поняв, что мирные переговоры провалились, Тоха нацепил кастет. Хотелось наорать на самого себя за тупость и недалекость. Следовало идти одному, как бы ни было страшно. Одному был шанс избежать драки. Соваться в это логово с Жаном и Серым было все равно что принести с собой две мишени.

Поляна взорвалась. Загалдели недовольные мальки, вскочили с мест, бросив недопитую бутылку. В чумазах руках, как по волшебству, появились палки и обломки камней. Слаженно бросились вперед строители. Спрыгнули с насиженных мест телохранители Колена. Лишь сам главарь оставался на месте, брезгливо усмехаясь начавшейся суете, да побитый Рыба отползал, бережно держась за кровавый нос.

– Жан, твою ж дивизию! – укоризненно ругнулся Тоха.

Плечом к плечу они ждали, когда их накроет волна первой атаки, и понимали, что эта атака будет и единственной. Ни сбежать, ни отбиться – ни единого шанса. И в этой суете как-то совсем выпал из внимания Серый.

– Хватит! Хватит! Стойте!!!

Он выскочил в центр, едва не наступив на ногу все еще лежащему на земле Рыбе. Срываясь на фальцет, голос Серого на мгновение перекрыл даже галдеж младших. Тоший, нескладный, в отглаженной рубашке с воротником-стойкой, выглядывающий невероятно глупо и максимально нелепо, Серый стоял, размахивая руками, как ветряная мельница. Такой пронзительностью веяло от его крика, что атака захлебнулась, распалась на части, застыла, недоуменно разглядывая безумного самоубийцу.

– Прекратите! У нас друг погиб! А вы... Как вам не стыдно!

Тишина разлилась по центру поляны, убегая от потрескивающего костерка. Тоха слышал, как гудит застрявший в кустах шмель. Ригачинские переминались с ноги на ногу, смущенно поглядывая друг на друга. Тоха осторожно потянул Серого за край рубашки, но тот раздраженно отмахнулся. Лицо его пылало праведным гневом, только кончики ушей белели окали-

ной. Впервые Тоха видел друга таким злым и бесстрашным. Жан тоже смотрел на Серого как на некую диковинку, вроде козы с двумя головами.

– И че? – тупо спросил один из строителей.

Над поляной пронёсся шепоток. Все вдруг подумали: «А вправду, и че?» Пролетел и канул в кустах, хрустя мелкими ветками, обломок кирпича – Тоха едва успел отдернуть голову. Палки засвистели, рассекая воздух. Носатый малек Шнобель заголосил, как индеец. И в этот момент с бревна поднялся Колено.

– Ну харэ, да?! – рявкнул он, и все разом притихли.

Даже шмель в кустах решил, что выберется чуть попозже. Даже костер как будто стал потрескивать тише. Шлепнув карты на бревно, Колено тяжело пошагал к нарушителям спокойствия. Массивный, как шкаф, и такой же тяжелый, он возвышался над своей бандой на полторы головы. Тохе подумалось, что такого не свалить даже кастетом. Разве что каким-нибудь стенобитным орудием из книжек Жана. Возникло острое желание заслонить собой тщедушного Серёню, встать на пути великана, но Тоха знал – нельзя. Каким-то чудом Серый остановил бойню, спас их шкуры от множества синяков и шишек, а может, и от чего похуже. Не стоило нарушать хрупкий мир.

– Как он умер?

Колено навис над Серым, как скальный уступ, – вот-вот обрушится и погребет под тоннами породы. Толстые предплечья скрестились на широкой груди. Банда затаила дыхание. Чтобы заглянуть Колену в лицо, Серому пришлось запрокинуть голову. Но смотрел он смело, с вызовом:

– Его убило что-то... нечто... Сначала оно всех собак и кошек перетаскало, а потом Юрец его нашел, и... Оно его с крыши столкнуло, чтобы все подумали, что он сам упал. А он не падал! Этот... эта... штука эта – она его убила!

Поначалу сбивчивый, рассказ Серого выровнялся, побежал стремительной речкой. Ригачинские слушали молча, и на их бледных лицах Тоха читал узнавание. Беда была у них, беда их коснулась – этого нельзя было не заметить. Даже Рыба, кое-как утерев кровь с лица, смотрел на ребят с сочувствием.

– Пошли.

Колено мотнул бритой головой, указывая направление, и двинулся за халабуду. Осторожно, поглядывая на расступившуюся банду, мальчишки гуськом потянулись за ним. Стоило чужакам уйти, как маленький лагерь зажил своей обычной жизнью. Застучал молоток, лихо зашлепали замусоленные карты, тонкие голоса мелюзги заверещали, требуя «отдать газяву».

Шли недолго, минуты две-три. С нового места хорошо просматривался лагерь, но звуки долетали приглушенно. Здесь было почище – ни валежника, ни поваленных деревьев, даже трава как будто... Тоха пригляделся внимательно – так и есть, траву недавно стригли. Неаккуратно, чем попало, желая хоть как-то облагородить именно этот участок леса. Почему? Что-то было в нем такое неправильное, но Тоха никак не мог уловить, что же. Колено нагнулся, голой рукой выдрал кустик крапивы – даже не ойкнул – и отшвырнул в сторону. У его ног лежал увесистый валун, с криво намалеванным оранжевой краской словом.

«БАРСИК», – прочел Тоха, и все тут же встало на свои места. В разных местах небольшой поляны торчали камни, сложенные из кирпичей пирамидки, кресты из веток. Все с именами мертвых питомцев. Всего могил десять-пятнадцать, с мисками-плошками, оберегами из веток и ниток, резиновыми игрушками и пластиковыми косточками. Возле молоденькой ели, забившей всю окрестную траву, высился небольшой могильный холмик, украшенный листьями, увядшими одуванчиками и цветными лентами. Поверх высохшей земли крупной галькой выложили:

ЦЫГАН

– Барсик – это наш, дворовый котяра был. Мы его в натуре всем двором подкармливали. Он самый первый пропал, еще в начале апреля, – гулкий голос Колена рассказывал ровно, бесстрастно. – Тогда еще потеплело резко так. Ну, мы решили, что он загулял, типа даже не парился никто. Ну, пропал и пропал, шут с ним. Потом у Гарика кошка исчезла, Хлоя. Ну тоже, подумали, сбежала, бывает, че. А потом понеслось. День через день – то кошак исчезнет, то шавка какая-нибудь.

– Птицы? – уточнил Тоха.

– Я тебе больше скажу – и птицы, и крысы еще. – Колено кивнул. – Это мы после все вместе связали. Первое время на бомжей думали, даже вломили парочке, чтобы не ошивались тут. В газете про сатанистов писали, только это все лажа. Нет у нас тут никаких сатанистов и не было никогда.

Свои эмоции Колено скрывал мастерски. Но, видно, тема была для него болезненной, нет-нет да прорывались наружу затаенная злость и обида. Тогда до хруста в костях сжимались кулаки-кувалды, а косматые брови угрожающе надвигались на переносицу.

– Потом уже начали замечать всякое... Она ведь дерзкая, зар-р-раза. Ей нравилось, что мы за ней носимся, носом землю роем. Игралась она с нами так, типа... Под конец так уже просто издевалась. Начала нам трупы подкидывать, прямо в лагерь. Приходим раз – а тут тушка Барсика, сухая, как мумия. Мы его только по уху узнали, оно у него очень приметное, рваное такое... было... Сидим в засаде день – ни черта. На ночь расходимся – с утра новый подарочек. Мы все обшарили, чтобы эту тварь выловить, но ее ж не найдешь так просто...

– Колено, – осторожно спросил Тоха, – а почему «она»?

– Наш друг, тот, который умер, видел дракона, – встрял Серый.

– Дракона? Сам-то понял, что сказал?! Драконы – они вон какие! – Колено дернул левой половиной лица. – Мы все подвалы обшарили, все чердаки, все заброшки. Весь лес прочесали. Какой, в баню, дракон?! Где ему тут спрятаться? – Он помолчал, собираясь с духом. Чувствовалось – то, что он собирался сказать, давалось ему непросто. Голосом неожиданно тихим Колено сказал:

– Это ведьма, пацаны.

Переспрашивать было рискованно: Колено запросто мог обидеться, а обидевшись – полезть в драку. Но они пришли сюда, чтобы узнать о чудовище как можно больше, и принимать на веру первые же слова... в общем, Тоха рискнул:

– Откуда знаешь?

Колено, против ожидания, психовать не стал, кивнул понимающе:

– Мелкие из ватаги ее видели. Не все, но некоторые, и не по одному разу. Я ее и сам видел, ночью.

Он замолчал, деловито сунул руки в карманы, но Тоха успел заметить, как трясутся его пальцы. Это казалось невероятным, но Колено, в одиночку выходивший на пятерых противников, боялся. И ведь немало времени уже прошло, не вчера все случилось, однако воспоминания оказались настолько яркими, что Колено побледнел, как покойник. Тоха заметил это, несмотря на загар и грязь.

– Встал как-то ночью, башка чугунная, пить охота, да и в туалет надо бы. Пока все свои дела сделал, проснулся немного, ну и думаю – а чего меня разбудило-то? Слышу, по окну ветка скребет, противно, аж мураши по спине. Так скррррр! – и тук-тук-тук, постукивает. Ну, думаю, надо окно открыть да отломать ее к чертовой бабушке. И полез же, слышь?! Полез, первую раму открыл. Потом думаю – стопэ! Какая, на фиг, ветка?! У меня пятый этаж, а все высокие тополя еще в прошлом году спилили! Я к стеклу прислонился... а оттуда она! Вниз головой

висит, пялится на меня. Глаза красные, зубы кривые, слюнявые, морщинистая, как шарпей. И вооот настолечко от меня!

Толстые пальцы с нестриженными ногтями показали крохотный зазор, в который едва ли пролезло бы лезвие ножа.

– Я чуть в штаны не наделал. Все не мог понять, как я ее не заметил – ведь все же на ладони, а она прям к стеклу прилипла, и слышу, вроде как в голове у меня стук ветки этой, и мысль одна и та же: надо открыть окно, надо открыть окно, открыть окно и сломать чертову ветку. И руки, слышь?! Руки сами тянутся к шпингалету!

Последние фразы Колено практически кричал, схватив Тоху за плечо и брызгая слюнями. По пальцам его сбегала дрожь, передавалась Тохе, и он невольно заразился страхом той апрельской ночи, тоже затрясся, представляя, как жутко, должно быть, когда тебя заставляют делать что-то против твоей воли. Наконец Колено притих, закончил чуть ли не шепотом:

– Не знаю, почему я ей не открыл. Реально не знаю. Стою ни жив ни мертв, а сам глаз оторвать не могу. Тут она, по ходу, поняла, что я ее вижу, и такая раз! – и пропала! Так что ведьма это, пацаны. За базар отвечу – ведьма. Я если до старости доживу и помирать буду, то и тогда эту рожу страхолюдную вспомню.

Тоху в смятении потер нос. История отдавала сильнейшим бредом и, расскажи ее кто другой, не вызвала бы ничего, кроме недоверчивой усмешки. Имело значение еще и то, как рассказывал Колено и как он при этом выглядел. А выглядел он неважно. Ну и самое главное – Юрка... нужно было искать любые зацепки.

– Так это... кхम्म... ведьма. – Тоху не знал, куда глаза прятать. – Как вы ее прогнали?

– Никак. – Колено невесело усмехнулся. – Она сама ушла. Грохнула Цыгана и пропала, будто ее не было никогда. Я думаю, она на зверье мелком отъедалась, силы набирала, а потом на крупную дичь перешла. Она ведь неспроста ко мне тогда приходила. И вокруг мальков не просто так ошивалась.

Тоху похолодел от внезапной догадки. Челюсти свело, язык онемел, со дна желудка поднялась едкая горечь. Оцепенели и Жан с Серым, словно их парализовало. Безумные слова «дичь покрупнее» стучали в голове. Не может быть, этого не может быть, этого не может... В одной из могил лежала не собака, не кошка, не попугайчик, не золотая рыбка и не хомяк. В одной из могил лежал...

– Цыган – он кто был? – как сквозь вату услышал Тоху собственный голос.

– Малек детдомовский. Летом сбегал от них постоянно и с нами тусовался. Иногда по несколько дней здесь жил. Лет девять ему было, что ли... Вызвался в одиночку ночью покараулить. Вот как мумий в кино показывают, вот такой он был, когда мы его нашли... Ведьма его высосала. Вчистую.

Колено присел у могилы, поправил пару камешков. Тоху смотрел сквозь него. Перед глазами мелькали телевизионные новости, фотографии в газетах и репосты «ВКонтакте», с которых улыбался маленький лопухий мальчишка с глупой короткой челкой на бритой голове. Смуглый, белозубый, он и впрямь походил на цыганенка. Больше месяца его искал весь город – полиция, охотники, волонтеры... а он все это время был здесь. В неглубокой яме, присыпанной землей и камнями.

* * *

В обратную сторону их провожал Шнобель. Оказалось, если не переть буром, можно отыскать вполне удобные тропки, натоптанные ватагой за долгие годы игр в штабе-халабуде. Вся дорога заняла не больше десяти минут, и после нее не пришлось вычесывать из волос листву и паутину. Тоху едва ли замечал все это, двигался на автомате, вслед за проводником подныривая, перепрыгивая, придерживая ветки. Из головы все не шли последние слова

Колено. Тоха предложил им поквитаться с тварью всем вместе. Ригачинские были грозной силой, и никакому чудовищу, будь оно ведьмой, или драконом, или даже чертом лысым, не устоять против толпы диких, любящих и умеющих драться мальчишек.

Тоха предоставил говорить Серому, и тот рассказал все как надо. Про кошек, и про Хана, и про Юрку еще раз, хотя это было чертовски, почти физически больно. Главное – донес, не расплескал: им известно, где тварь устроила логово. По крайней мере, где оно было раньше. Но на Колено это не произвело ровно никакого впечатления. Бритая голова качнулась из стороны в сторону, взгляд спрятался между стоптанных сандалий, зарылся в прошлогодние листья и хвою.

– Не, пацаны, дальше сами. Все, что знаю, рассказал, больше сказать нечего. И помочь больше нечем. Теперь это ваша забота, а мы свою жертву уже принесли.

– И что нам делать? – тупо спросил Тоха тогда.

– Ждать, – философски ответил Колено. – Ждать, пока она нажрется, выберет себе жертву и свалит от вас подальше.

– Какой «подальше»?! – взвился Жан. – Мы на Пушкина живем! Она от вас меньше чем на пять километров убралась! Что ей мешает обратно вернуться?

Поразительно спокойный, Колено вновь стерпел явное неуважение.

– Нет, не вернется, – просто сказал он, и Тоха почему-то сразу ему поверил.

– Уверен? – спросил он.

– Уверен, – кивком подтвердил Колено. – Чувствую.

На этом все и закончилось. Они не узнали, как победить чудовище. Зато узнали, как ему проиграть.

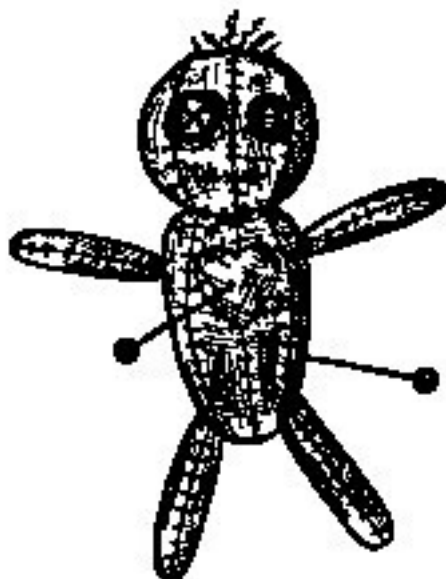
У дороги Шнобель придержал Тоху за руку. Серый и Жан тоже остановились. Мелкий смотрел на них снизу вверх, сновал по лицам живыми черными глазами. Наконец решился:

– Это не ведьма, Колено гонит все. – Он трубно высморкался, зажав нос пальцами. – Рыба тоже ведьму видел, ага. И еще Риня. Но Риня свистит как дышит. Ниче он не видел! А я видел, и это не ведьма.

– Что ты видел? – Тоха подался вперед, ловя каждое слово.

– Ящер это. Он ко мне в комнату хотел залезть, я еле форточку успел закрыть! По стене полз, прикиньте?! Цеплялся когтями за кирпичи, вот такими когтищами! – Шнобель указательным пальцем чиркнул по своему запястью, отмеряя ладонь. – Весь в чешуе, и глаза как фары, тока красные! Прямо по стене полз!

Шнобель рассказывал, не замечая, что у него подергивается уголок рта. И тогда Тоха, леденея от ужаса, подумал: а что, если их двое – ведьма и дракон?! Он обкатывал эту мысль и так и этак всю дорогу до дома, но друзьям догадку озвучивать не стал.

Жан

Несмотря на распахнутые окна, в зале пахло застарелым потом и пылью. Народу пришло мало. Летом посещаемость всегда падала. Две пары вяло сходились один на один под прищотом руководителя клуба. Формально Денис Владимирович Антонов тренером не был, но натаскивал новичков именно он. Возраст за третий десяток и участие в статусных боях делали его авторитет недостижимым.

Спарринг-партнера под стать сегодня не нашлось, и Жан вот уже полчаса в одиночку скакал вокруг Черного Рыцаря – напольной груши, с криво намалеванной щелью забрала и злыми глазами за ней. Безопасный спортивный меч – обшитая поролоном длинная тяжелая палка – охаживал кожаные бока. Возвышаясь над Жаном на добрых две головы, Черный Рыцарь лишь изредка покачивался, получая прямой удар ногой.

Рубиться с грушей не самое веселое занятие, к тому же отвлекали тяжелые мысли о Юрке. Жан срывался, делал глупейшие ошибки, поскользнулся на ровном месте. Глухо ругаясь сквозь стиснутые зубы, он злился на себя и на весь свет. Антонов, заметив его настроение, оставил старших ребят, подошел к груше:

– Ну? Жан, рапирой в жбан, чего нос повесил? Как твой достойный соперник?

– Черный Рыцарь всегда побеждает, – буркнул Жан.

Антонов усмехнулся дежурной шутке, потрепал его за плечо:

– Ладно, не хандри. Если в пятницу никого в твоём весе не будет, сам с тобой поспаррингуюсь, обещаю. Добро?

Жан сунул меч под мышку и торжественно пожал широкую ладонь. На мгновение лицо его посветлело, но брови тут же сошлись над переносицей, а губы сжались в упрямую полоску. Юрки больше нет, а тварь, что убила его, все еще жива. Свила гнездо в их доме и только ждет удобного случая...

– Денис Владимирович, как убить дракона? – неожиданно даже для самого себя выпалил Жан.

– Что? – Карие глаза тренера недоверчиво округлились.

– Ну, я это... в смысле... – смущенный своим порывом, Жан замялся. – Ну, вот если бы драконы в самом деле существовали? Вот как с ними сражаться?

К его удивлению, тренер оживился. Почесывая небритый кадык, прищурился, будто вспоминая что-то:

– Интересный вопрос! Я до того, как профбоями увлекся, тусовался, прости господи, с толкиенистами. Так вот, как-то в Хибинах делали ролевую игру по «Ведьмаку». Ты читал «Ведьмака»?

– Играл, – кивнул Жан.

– Не, это не совсем то. В книге есть эпизод, когда Геральт с кучей других охотников за удачей едет ловить дракона. Ну так вот, на той ролевке отыгрывали эту сцену. Сшили, значит, здоровенный такой костюм дракона, метра четыре в длину! Семь человек в нем сидело! Мастера тогда так рассуждали: дракон зверюга здоровая, шкуру ему за просто так не пробьешь. Но! – Тренер многозначительно поднял палец: – Должны и у такой скотинки быть уязвимые места, верно? Ну и по зрелом размышлении решили: во-первых, глаза. Какой бы здоровый ты ни был, а глаза у всех не больно-то прочные, так? Еще брюхо – оно тоже у всех одинаково мягкое, ребрами не защищенное. Вроде как проскользнул между лап – и в пузо мечом коли. Что-то там еще было... запаматовал... – Нахмурившись, Антонов поскреб редешую макушку. – А! Точно! Сочленения всякие – ну, там, где лапы из тела растут. Грубо говоря, в подмышку бить надо было. Тоже здравая мысль – там никакой природной защиты быть не должно, она

при ходьбе мешать будет. И крылья, конечно же. Крылья штука хрупкая: повредишь – и дракон летать не сможет. Правда, менее опасным от этого не станет...

– И сколько вам человек понадобилось, чтобы его убить?

– Тридцать, кажется... может, чуть больше. По всему полигону собирали! – Денис Владимирович довольно улыбнулся воспоминаниям. – Только мы его так и не убили. Это он нас убил. Покрошил всех в мелкий фарш! Такая бойня была – песня просто! А ты это к чему вообще?

– Да так... – не найдясь с ответом, Жан пожал плечами.

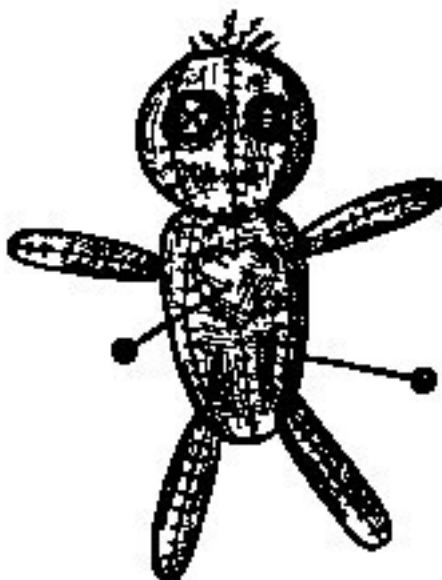
– Ну, датак, значит, датак, – не стал выпытывать тренер. – Ладно, хорош филонить. Давай-ка: в ногу показал, в голову ударил. Понял? Отрабатывай! И завязывай уже его пинать, не на бугурте.

Улыбаясь, тренер вернулся к старшим ребятам. Жан зубами подтянул ремни креплений на щите и принялся атаковать безответную грушу. Он отступал и набрасывался вновь, с хлестким чавканьем вбивая меч в Черного Рыцаря. Глядя в нарисованные злые глаза за нарисованным забралом, Жан видел пустые зрачки неведомого чудища, дракона, чудом выжившего в мире компьютеров и сотовых телефонов. Жан лупил его что было силы, стискивая зубы, когда отдача простреливала болью натруженное запястье. В ушах все звучал голос тренера:

«Это он нас убил».

«Он нас убил».

«Он нас...»

Тоха

Во дворе мало кто знал, что Тоха умеет играть в шахматы. Еще меньше людей знали, что играет он весьма неплохо и даже выигрывает у своего дедушки, мастера спорта по шахматам, одну партию из пяти. О том же, что Тоха немного близорук и надевает очки, когда сидит за компьютером или, как сейчас, играет с дедом, во дворе не знал никто.

Разделенные доской, дед и внук сидели друг напротив друга, расставляли деревянные фигурки. Любой, кто взглянул бы на них в этот момент, непременно обратил бы внимание на фамильное сходство. Широкие покатые плечи, длинные пальцы, веснушчатые физиономии, картофельные носы. Они даже чай пили одинаково – шумно прихлебывая из больших кружек. И еще у обоих были очки: у одного – в старой черепаховой оправе, потертые, боевые, у другого – в модной стальной, практически без единой царапины.

Дерево стучало о дерево, пахло абрикосовым джемом и старым лаком. Тоха выстроил ровный ряд черных пешек, шумно, с хлопаньем, отпил обжигающего чая. Его пожилой двойник неторопливо устанавливал на доске строй белых. Давний ритуал, который нравился им обоим, сегодня раздражал Тоху своей неторопливостью. Кресло сделалось неудобным, угловатым. В попытке хоть как-то устроиться Тоха весь изъерзался. Дед это видел, хмурил дикие седые брови, но не торопил. Знал: если внуку понадобится совет, спросит сам. С доверием у них был полный порядок.

В коридоре невыносимо громко тикали настенные часы. Грохотали как куранты. Тоха раньше не замечал, насколько они шумные. Время шло, а дед только-только начал ставить пешки. Тоха весь извелся, наблюдая, как меееедленно занимает клетку очередной безликий воин с круглой деревянной головой. Наконец, не выдержав, Тоха сказал:

- Дед, вот ты в погранвойсках служил и вообще...
- Ну, служил. – Старик качнул головой, потянулся за пешкой.
- Ты контрабандистов ловил, в настоящем бою был, даже ранение имеешь...
- Ну, имею.
- Вот скажи, как ты... – Тоха замялся, подыскивая слово. Очень уж ему не хотелось произносить вслух... Не найдя ничего более подходящего, Тоха покраснел и выпалил: – Вот когда страшно – по-настоящему, что аж живот крутит, – а сделать все равно надо, как ты это делал?

Вчера он проигрывал этот разговор в голове, и все получалось складно. Тоха спрашивал деда, где тот черпал силы, откуда брал решимость, чтобы перебороть страх, от которого позорно трясутся коленки. Но по части разговоров хороши были Серый и Жан. У Тохи заготовленная речь смешалась, перепуталась, распалась на нечленораздельное мычание. Но дед понял. Он очень долго и серьезно разглядывал внука, вертя в пальцах последнюю пешку:

– Знаешь, Антошка, я на границе двенадцать лет отслужил, и на Дальнем Востоке, и в Казахстане, еще при Союзе, да много где... Четыре раза в бою был – да то как? Бой не бой – стычка. Вот мой отец, прадед твой, значит, Великую Отечественную прошел, вот он в настоящих боях бывал. И он мне, когда жив был, рассказывал так: страх – это такая штука: чуть слабинку ему дашь, и он тебя убьет. Я тогда это накрепко запомнил и, когда мой отряд впервые в перестрелку ввязался, сразу его слова вспомнил.

– А ты совсем не боялся? – тихо спросил Тоха.

– Боялся, конечно, – как не бояться? Двое не бояться – дурак да мертвец. Только у меня времени не было, чтобы страх осознать. Уж больно быстро все происходило...

– А когда медленно? Если времени полно и ты ждешь, когда случится что-то плохое, и больше думать ни о чем не можешь?

– И такое было, да. – Дед многозначительно покивал. – После первой перестрелки даже на пост наблюдения заходить страшновато было. Я, чтобы об этом не думать, работой себя грузил, за все хватался. На отбое с ног валился и до побудки спал, на глупые мысли времени не оставалось. Ну а работа в армии монотонная, не творческая совсем, так, чтобы не скучно было, я с работой спорил.

– Это как? – не понял Тоха.

– Ооо, это, внучек, такая история! Этому меня тоже прадедушка твой научил. Береись, значит, за большое и сложное дело и даешь себе зарок его выполнить. А сам себе награду придумываешь. Дескать, сделаю если, то будет все по-моему. Ну, скажем, здоровенную траншею роешь, а сам думаешь – если закончу до темноты, то в следующем карауле все будет гладко. И вот не поверишь – так любая работа веселее идет. Сам с собой споришь, сам у себя спор выигрываешь – и сам же доволен! – Дед задумчиво подпер подбородок кулаком. – Откуда это у тебя мысли такие тяжелые, а, Антошка? Из-за друга твоего? Из-за Юрки, да? В таком возрасте со смертью столкнуться – тут испугаться немудрено. Стыдиться здесь нечего...

Он протянул тяжелую ладонь, потрепал внука по отросшему ежику рыжих волос. Тоха снял очки, задумчиво закусил дужку. Нет, такие вещи не рассказывают даже самым близким людям. Дедушка умный и тактичный, глубже, чем надо, лезть не станет. Тоха водрузил очки на нос, поправил профессорским жестом:

– Дед, давай так: если сегодня я выиграю, то будет по-моему?

– Давай! – великодушно кивнул старик. – Ты же не со мной сделку заключаешь, а с самим собой.

– Только чур не поддаваться!

– Это когда ж такое было?! – возмутился дед. – Ну держись, внук! Никакой тебе пощады!

И уверенным движением он двинул вперед первую пешку.

* * *

Перед сном Тоха зашел в общий чат. Молчаливым призраком в созданной беседе висел Юркин аватар. Аватарки Жана и Серого еще светились зеленым. Было чертовски муторно, и очень хотелось упасть на подушку, отвернуться к стене и проспать до самого утра, желательно без сновидений, но Тоха знал: если не скажет сейчас, то будет ворочаться до рассвета, сбивая простыни в мятый ком. Пальцы зависли над клавиатурой, выжидая, пока их хозяин соберется с мыслями, и наконец обреченно упали вниз.

пацаны, не спите?

Курсор мигал, приглашая продолжить. Друзья молчали.

Минуту.

Пять минут.

Тоха уже начал думать, что зря все это затеял, когда прилетело сообщение от Жана:

нет, чего хотел?

И, почти сразу, от Серого:

заснешь тут, как же!

Тоха не представлял, что так много сил понадобится, чтобы выдавить из себя пару строчек. Быстро, пока не передумал, он набрал:

завтра идем на чердак. готовьтесь

Он ждал вопросов, уточнений, даже непонимания. Но вместо этого пришло два коротких «ок». Жан добавил «всегда готов», а Серый прислал кивающий смайлик. Вот так, просто и буднично.

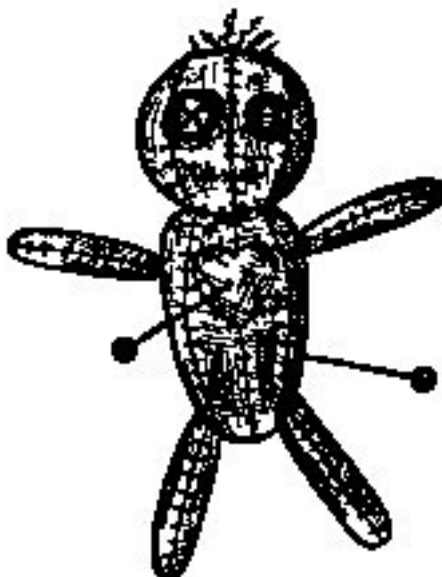
берите оружие какое-нибудь... не знаю, хоть ножи кухонные... если оно все еще там...

если оно там, мы убьем его

*оно там, я уверен. колено сказал,
этой твари нужна жертва*

Помолчали. Тоха чувствовал, что друзей надо бы как-то ободрить. В компьютерных стратегиях это называется «поднять боевой дух». Тогда он рассказал им про дедовский метод, про сделку с самим собой. Про сегодняшнюю игру и про то, как он загадал отомстить за Юрку, если выиграет партию.

Серый и Жан в самом деле повеселели. Хотя, может, так только казалось. С экрана улыбались плоские желтые мордашки смайлов, но по ним никак нельзя было угадать, что творится на душе у людей по ту сторону монитора. Они попрощались до завтра, пожелали друг другу доброй ночи. Тоха не сказал им, что дед поставил ему мат на тридцать втором ходу.

Жан

Цунами пришло с неба. К половине восьмого на город, с раскатистым громовым рыком и желтыми всполохами молний, обрушилась небесная волна. Шквальный ветер взбивал косматую пену туч, угоняя ее куда-то на юг. По вентиляционным трубам его траурные завывания проваливались в квартиры, заставляя жильцов неуютно ежиться. Помрачневшее небо насупилось, наплевав на белые ночи, погрузило Петрозаводск в почти настоящую темноту. Одинокие машины рассекали водяные потоки со скоростью медленного пешехода. В припадочном танце раскачивались деревья в парке. Грохотали жестяные крыши и оконные отливы. Вслушиваясь в перебранку кровельного железа со стихией, Жан ясно понял: сейчас.

Он не стал выдумывать, просто отправил это короткое, необычайно емкое слово друзьям, зная, что они поймут. Заготовленные загодя, в сумке лежали доспехи, кулачный щит и оружие. На заточку меча Жан потратил четыре дня и два точильных бруска, будто заранее знал, что битва скоро. Меч все равно оставался не слишком острым, зато топором, что тайком вытащил из отцовского ящика с инструментами, можно было спокойно нарезать хлеб. Прикрыв это добро свернутой в скатку тонкой стеганой курткой, Жан подошел к отцу:

– Па, я к Тохе схожу на часок?

По каналу «Спорт» транслировали футбол, российская сборная безнадежно билась на «Евро» за выход из группы, и увлеченный отец лишь рассеянно махнул рукой:

– У мамы отпросись...

– Это куда ты там намылился на ночь глядя? – раздался с кухни мамин голос.

– Мам, я к Тохе, можно? Он мне с доспехами помочь обещал...

– Ты и Антошку в свою секту затащил?

Похожая на призрак, в длинном махровом халате и с кремовой маской на лице, мама выплыла в коридор. Глядя на сына, скептически выгнула угловатую бровь:

– Ладно, иди уже, рыцарь ты мой... Чтобы в десять был дома.

– Как штык!

Жан кивнул очень серьезно и вдруг крепко обнял маму за талию. Ему пришло в голову, что, если все пойдет не так, если дракон окажется сильнее, он может не успеть домой к десяти. Он может уже вообще не успеть домой. Никогда. Мама охнула от неожиданности, ухватила сына за плечи. Кремовая маска расплылась в довольной улыбке:

– Ну все, все, иди уже!

Стараясь не греметь железом, Жан взвалил сумку на плечо и вышел за дверь. Он знал, что прямо сейчас покидают свои квартиры Тоха и Серый.

Первый подъезд выбрали по трем причинам. Во-первых, отсюда удобнее начинать поиски, не оставляя за спиной неразведанных мест. Во-вторых, на последних этажах здесь жили сплошь пенсионеры, все лето проводящие на дачах. Ну и в-третьих, входную дверь здесь вместо домофона охранял кодовый замок. На крыльце уже стоял Серега с подозрительным свертком на спине, привычно зажимал вытертые до блеска кнопки – тройку, семерку и ноль. Заговорщицки кивнув друг другу, мальчишки шмыгнули внутрь.

Тоха сидел возле чердачной двери, сжимая в руках ножовку по металлу. Тонкий свежий пропилил прочерчивал дужку замка. Завидев ребят, Тоха молча кивнул, включил налобный фонарик и вернулся к прерванному занятию. Под тихий скрежет полотна о металл Жан начал распаковывать сумку. Первым делом раскатал и надел стеганую куртку. С помощью Серого натянул кольчугу. Рассказывая о разговоре с тренером про уязвимые места драконов, начал прилаживать поножи.

– Нормальный арсенал, – уважительно пропыхтел Тоха, бросив короткий взгляд на оружие. – И костюмчик приличный...

Сам он пришел в джинсовых шортах, обрезанных под колено, и футболке с вытертым портретом Цоя. Веснушчатый лоб Тохи покрывала испарина, рыжие волосы взмокли, слиплись ежовыми иголками. Не от напряжения – замок он пилил без видимых усилий, со знанием дела, – Тохе, как и всем, было не по себе от этой затеи.

– А у тебя что? – бросил он Серому.

Тот неловко размотал сверток, явив удивленным взорам катану в лакированных черных ножнах.

– Ого! – присвистнул Жан. – Самурая ограбил?

– У бати в кабинете со шкафа стащил, – смутился Серый. – Пойдет?

Жан выдвинул лезвие, критично потрогал большим пальцем, взвесил меч в руке. Наконец вынес вердикт:

– Пойдет. Тупая, но тяжелая.

– Пряма как наш Серёня, – усмехнулся Тоха.

– Замолкни! – озлился Серый. – Сам-то чего принес? Гантелю?

Тоха мотнул головой, направляя луч фонаря в угол. Там, щетинясь гвоздями-сотками, стояла бейсбольная бита.

– У брата одолжил...

– Брат тебе за такой апгрейд голову открутит, – мрачно посулил Серый.

– Да он не хватится даже. Уже два месяца в гараже валялась.

Отложив пилу, Тоха с силой свернул замок набок. Дужка еле слышно хрустнула и обломилась в месте пропила. Серый шумно выдохнул. Жан засуетился, затягивая зубами наруч. Сунул руку в карман сумки, выуживая целую связку каких-то веревочек.

– Это что? – нахмурился Тоха.

Жан с сомнением, точно впервые увидел, оглядел зажатые в руке хвостики амулетов, среди которых свисали и два серебряных православных крестика.

– Это? Это вот – молот Тора. Это анкх. Это... не помню... от злых духов что-то...

Тоха презрительно скривился, а Серега, помешкав, снял один крест. Остальную связку Жан через голову натянул себе на шею.

– Вот что... – Он пошарил в опустевшей сумке. – Тут у меня еще баклер остался. Тоха, возьмишь?

– На фига мне твои кастрюли... вон Серёня пусть берет. Соберет ультраредкий мифический доспех!

Серый спорить не стал, молча вынул из сумки щит-кулачник, стиснул в трясущейся руке. Облокотившись на битку, Тоха умело прятал страх за плотно сжатыми губами. Глядя на друзей, Жан и сам едва сдерживал дрожь.

– В общем, помните: глаза, крылья, брюхо – в первую очередь. Я в доспехах, – выдавило его пересохшее горло, – я первым пойду.

Никто не спорил. Жан нахлобучил шлем, приладил сверху налобный фонарь. В правом кулаке стиснул меч, в левом – топор. Железная дверь открылась без скрипа. Ощущая себя Беовульфом, идущим на битву с Гренделем, Жан вышел на чердак. На мгновение замешкался в проходе, и в спину, испортив эпичность момента, тут же впился Тоха. Он тихо выругался, но Жан ни слова не разобрал – кровля гулко вибрировала под напором ливня. Казалось, гудит сам воздух, влажный, не по-летнему прохладный.

В слуховое окошко с порывами ветра врывались облака мелкой мороси, но под ногами было сухо. Не зная, что почти шаг в шаг повторяют путь погибшего Юрки, мальчишки осторожно ступали по широкой деревянной балке. Впереди, освещая дорогу, шел Жан. За ним, угрожающе забросив битку на плечо, двигался Тоха. Замыкал Серый, суетливо протыкающий темень фонарем. Иногда там, в залитом водой реальном мире, рокотал гром и всполохи близких молний порождали невероятные тени, черные как ночь, ни на что не похожие. Тогда

мальчишкам казалось, что они идут по узкому мосту и всего один неверный шаг отделяет от смертельного полета в бездонную пропасть, на дне которой, проткнутые острыми каменными пиками, уже целую вечность висят скелеты неудачливых искателей приключений. Сочились влагой стены, тревожно дрожал наэлектризованный воздух, скользили лучи фонарей по сводам древнего сказочного подземелья.

Где-то там, среди пыли, старой мебели и драной минваты, пряталось Зло, убившее их друга. Наука твердила им, что чудовищ не существует. Взрослые смеялись над детскими страхами, утверждая, что страшные тени в темноте не более чем игра воображения. Жизнь не готовила мальчишек к битве с драконом. Только сказки, что перед сном рассказывала мама, только книжки, прочитанные запоем, только наивные детские фильмы учили их, что любое Зло не всесильно и рано или поздно понесет наказание. И если для этого нужно пройти сквозь темное подземелье и встать перед ним лицом к лицу – что ж, пусть так! В конце концов, детские руки тоже способны держать оружие.

Серый, хоть и шел последним, слышал раньше всех. Замер как вкопанный, вцепился Тохе в ворот футболки, за что чуть не получил локтем в челюсть. Маленький отряд замешкался, растерял стройность, скучковался.

– Ща как по уху засвечу! – многообещающе зашипел Тоха. – Пусти футболку!

– Ну?! Ты что?! – разделенные стальной переносицей, глаза Жана вопросительно глядели на Серого.

Вместо ответа тот ткнул пальцем вверх. В крышу. Тоха и Жан синхронно подняли головы, освещая затянутые пыльной паутиной стропила, поддерживающие скаты. Тихий звук, идущий с той стороны, терялся, маскируясь под грохот дождя. Еле уловимый цокот и скрежет. Так стучат по ламинату когти домашних питомцев. Так. Стучат. Когти.

Жан шумно сглотнул. Сердце разрослось, заколотилось везде и сразу – в грудной клетке, висках, горле и даже пятках. Моментально вспотели ладони. Цокот приближался, отделенный миллиметрами кровельного железа, двигался прямо к мальчишкам. Жан огляделся, размазывая голубоватый свет диодов по ребрам стропил. Четвертый подъезд, вон и выход виднеется. Последнее пройденное слуховое окошко осталось далеко позади, а нового еще не видать... Он не совсем понимал, что это им дает, но чувствовал, что внимание обратить стоит, надо только поразмыслить хорошо...

– Пацаны, – прошептал Тоха. – Оно над нами...

Все прислушались. Кроме гулкой бомбардировки капель – ни звука. И еще шумно сопел Серый. Постояв так с минуту, Жан тряхнул головой,скомандовал шепотом:

– За мной!

Все так же гуськом, только теперь уже на носочках, мальчишки пошли дальше. С небольшим запозданием за ними поспешили невидимые когти. Процокотали, унеслись вперед, а за ними, точно гигантский чешуйчатый хвост, что-то шершавое обдирало с железа вздутый солнцем сурик. Эта суетливость вернула Жана к незаконченной мысли. Он повернулся к друзьям, зашептал торопливо:

– Возле окна, там оно засаду устроит! Оно нас слышит или еще как-то чувствует, ждет, когда мы под окном будем проходить!

– Ну, значит, дождется... – хмуро посулил Тоха, но голос его ощутимо подрагивал.

– Тоха, Жан, а ведь это... Он, значит, действительно небольшой?! – перебил Серый. – Юрец эсэмэснул, что дракон небольшой, помните? Так если он в форточки эти пролезает, значит, реально маленький?!

– Большой, небольшой – все равно ему каюк!

Тоха заметно приободрился, снял битую с плеча, нетерпеливо постукивал ею по балке. Гвозди вязли в старом дереве и оставляли его с неохотой. Близость схватки будоражила. Непонятным образом страшила и заводила одновременно.

– У меня защита, я под окном пойду. Он на меня прыгнет, тут мы его и... – Жан рубанул воздух мечом. – Тоха, ты по балке иди, заходи с правого фланга. Серый, ты слева карауль. Главное, чтобы эта тварь не ушла!

Ребята кивнули. Мягко прыгнув вниз, Жан, пригибаясь, заскользил вдоль стропил, напоминающих скелет древнего ящера. Рядом, на полметра выше, перехватив битую обеими руками, вышагивал Тоха. Серый чуть отстал, фонарь в его потной ладони ходил ходуном. У окошка Жан замедлился, впиваясь напряженными глазами в беззвездную темноту. Когти больше не клацали, и от этого почему-то еще сильнее становилось не по себе. Ветер обдавал мокрым дыханием – в двух шагах от окна предплечья и оружие покрылись мелкой росой. В горле, напротив, пересохло. На своих местах, с оружием на изготовку, застыли Тоха и Серый. Застыло и время.

Секунда. Пять. Десять. Жан отсчитывал удары сердца, понимая, что нет веры таким часам. Ритм то замирал, то уносился вперед со скоростью космической ракеты. Двадцать. Тридцать. Тридцать один... тридцать два... тридцать три... Темный квадрат дождливого неба расколол зубастый зигзаг далекой молнии. Вспышка резанула по глазам, заставила Жана вскинуть руку с мечом. Это его и спасло.

Толстое щупальце отдернулось, втянулось под потолок, на мгновение слилось с чернотой, но тут же вернулось. Окно исторгло клубок извивающихся тентаклей, лоснящихся мокрой кожей. Присоски цеплялись за стропила, липли к листам железа. Венчающие концы щупалец когти со свистом резали воздух. Жан отшатнулся, треснулся макушкой о стропило. Несмотря на шлем, в глазах заплясали искры. Он слепо махнул мечом, наугад добавил топором. Где-то под боком невидимый Тоха заревел как раненый берсеркер. Не было времени даже глянуть, как он там, – щупальца все лезли и лезли, оплетая чердак, прорастая с кровли живыми извивающимися сталактитами.

Жан помотал головой, возвращая зрению резкость. Ожидание страха, как обычно, оказалось хуже самого страха. Теперь, когда кошмар явил себя, времени на испуг просто не оставалось. Да, тварь оказалась вовсе не драконом, – Жан вообще не понимал, как можно спутать дракона с кракеном, – но так ли это важно? Это существо убило их друга, а теперь пытается убить их самих. Сбежать или драться – вопрос даже не стоял.

Жан сделал выпад, целясь в ближайший мясистый отросток. Закрутился, осыпая щупальца градом ударов, заставил первый ряд отпрянуть. За спиной коротко хэкал орудующий битой Тоха. Подозрительно молчал Серый... и стоило подумать об этом, как под сводами чердака заметался истошный, какой-то девчачий визг:

– Уйдиини! Уйдиини! Пацаны, уберите его! Ааааааа!

Оброненный фонарь валялся на полу лампой вниз. Краем глаза Жан разглядел-таки Серого. Тот неумело, точно дубиной, размахивал катаной, прижимаясь к балке, и вопил дурным голосом. Жан бросился было на помощь, но едва не напоролся на коготь. Отступая, Жан рубанул сверху вниз, в надежде достать тварь контратакой. На миг ему даже показалось, что лезвие топора прошло сквозь угольно-черную плоть, но перед лицом тут же замельтешил изогнутый коготь. А с ним еще с полтора десятка. Жан понял: тварь играет с ним. Выматывает. Хуже того – ей это удастся. Каждый пришедшийся в пустоту удар отнимал силы так, как не бывало даже на самых утомительных тренировках.

– В крыло бей! – заревел невидимый Тоха. – Я попасть не могу!

Прижатый к стропилам, Жан выставил перед собой оружие и рискнул на мгновение обернуться. Едва успел увидеть, как Тоха скачет по балке, вращая над головой шипастую палицу.

– Какое, в баню, крыло?! – крикнул Жан, уворачиваясь от новой атаки тентаклей.

– Бей в крыло! Бей в крыло! – как заведенный повторял Тоха. – Ломай ему крыло!

– Пацаны! Аааааааа! Нет, уйди, уйди! Снимите его с меня!

Жан завертел головой, пытаясь поймать Серого в луч налобника. С трудом, сквозь плотный клубок щупалец, разглядел что-то нависшее, угловатое, темное и торчащие из-под него Серегины ноги в стоптанных кедах. Щупальца тут же сомкнулись, оцетинились когтями – не пройти, не прорваться. Оставалось только слушать, как исходит криком погибающий друг. Дыхание тяжело срывалось с упрямо сомкнутых губ. Под доспехом Жан взмок от пота. Выбившиеся пряди волос лезли в глаза. Все оказалось глупо и бесполезно.

– Жаааааан! Тоха! Снимите! Снимите его с меняааааа!

– Жан, руби крыло, мне не достать!

– Уйди, уйди, ты! Не тронь меня!

– Руби крылья!

– Нет-нет-нет-нет-нетнетнетнет! Аааааааааа!

– Жан, бей! Бей его!

– Жааааааан!

Жан глубоко вдохнул и выдохнул. На тренировках, в спарринге, часто недоставало секунды, чтобы собраться, трезво оценить возможности противника и свои силы. Играющая щупальцами тварь, уверенная в собственном превосходстве, дала ему эту секунду. Жан вдруг понял, что не так. В голосе Тохи не было страха. Настоящий страх был за стеной тентаклей, скрывающих гибнущего Серегу. Там, и только там.

– Тоха! – крикнул он на пробу. – Подрежь ему щупальца справа!

– Какие щупальца?! Ты что несешь?!

Не дослушав, Жан кивнул сам себе. В нем тоже не было страха, кроме одного – потерять друга. Перед ним, подобно кобре, раскачивался толстый черный столб, покрытый присосками. Отбросив топор, Жан по-бычьему нагнул голову, выставил вперед плечо и бросился в самый центр скользкого когтистого извивающегося клубка. В какой-то момент ему показалось, что воздух перед ним натянулся как пузырь, стал осязаемым. А потом он проткнул этот эфемерный кокон и вылетел с другой стороны. В несколько прыжков покрыв расстояние, отделяющее его от затихшего Серого, он с размаху опустил меч на темный горб сидящего на нем существа.

От визга заложило уши, и что-то теплое побежало по шее. Тварь взметнулась, сделалась втрое больше. В голову Жану будто зарядили подушкой, набитой камнями. Шлем спас от удара, но налобник слетел, ненадолго погрузив чердак в темноту. В следующую секунду с диким ревом с балки спрыгнул Тоха. Гвозди мерзко чавкнули, впиваясь в черную плоть. Тварь резко развернулась, отбрасывая нового противника. Выронив биту, Тоха отлетел в сторону и с треском ударился о стропило.

Жан, ничего не видя и почти ничего не соображая, шагнул вперед. Темнота перед ним соткалась в уродливую угловатую фигуру, в лицо дохнуло гнилью, и Жан почувствовал впереди пасть, полную острых зубов, готовых вцепиться ему в лицо. Он застыл, понимая, что не успеет ни защититься, ни отпрыгнуть.

– Получи, гад! – раздался снизу полный ненависти голос.

Громко чавкнуло входящее в плоть лезвие. Завыв на одной пронзительной ноте, темнота сорвалась с места. Будто развевающийся плащ, захлопал влажный воздух. Что-то заслонило слуховое окно – и тут же сгнуло. Быстро застучали когти, под наклон, к самому краю, и... смолкли. Жан обессиленно рухнул на колени. Только сейчас стало слышно, что дождь уже перестал, а мерный грохот – это не далекие раскаты грома, а стук в железную дверь.

– Ну что? Тупая и тяжелая, да? – промямлил с пола помятый Серый, поднимая окровавленную катану. – Сами вы... тяжелые!

И они засмеялись, все трое. В этом истеричном смехе было все – облегчение, усталость, радость победы и счастье оттого, что они живы.

* * *

Полицию вызывать не стали, хотя и грозились. Даже участкового не пригласили. Хватило красных от стыда родителей. Бросая красноречивые многообещающие взгляды на своих отпрысков, они виновато разводили руками и поддакивали председателю совета дома. Николай Федорович, кряжистый усатый пенсионер, бывший директор школы, отчитывал с душой и знанием дела:

– ...давно ли Юру хоронили, царство ему небесное?! Вы если нас не уважаете, родителей своих не уважаете, так хоть друга уважьте! Для кого тут двери стальные поставили?! Для меня, что ли?! Да сдались они мне сто лет! А на эти двери из общедомового фонда деньги пошли! Мои деньги, родителей ваших деньги, соседей! А вам все нипочем! Еще и замок спилили, вандалы! Кто замок новый покупать будет?!

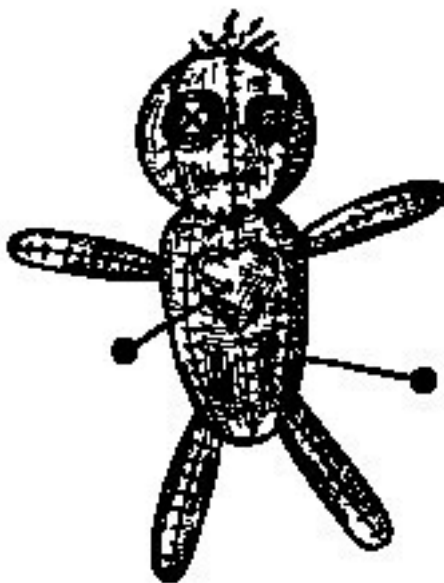
– Да куплю я замок! Чего кричать?! – огрызнулся Тоха, за что тут же схлопотал от отца подзатыльник.

Николай Федорович обреченно махнул рукой.

– Уведите их уже с глаз моих долой... – устало сказал он.

Не дожидаясь повторения, матери послушно потащили детей по домам. Спускаясь по ступенькам, мальчишки долго еще слышали раскатистые голоса отцов, виновато успокаивающих председателя. Освеженная дождем улица глянцево блестела мокрым асфальтом, напоминающим новенькую змеиную кожу. Усталый ветер срывал с кустов сирени капли и душистый аромат, бросал их в чумазные серьезные лица победивших дракона рыцарей. Они шли побитые, хромающие, держась за намятые бока, потирая разбитые скулы, и раздутыми ноздрями жадно впитывали этот чудный запах. Он прочно засел в их головах, обосновался в самой подкорке, до конца дней оставаясь самым вкусным и желанным. Запахом самой жизни.

На улицу их выпустили лишь через трое суток.

Серый

В этот раз что-то изменилось. Пустота, образованная смертью Юрки, никуда не делась. Недавняя победа никак ее не компенсировала. И все же сегодня все было как-то иначе. Словно Юркина тень в заломленной на затылок бейсболке стояла, облокотившись на турник, отпуская ехидные комментарии. Охлажденное ливнем солнце поумерило пыл, ласково касалось мальчишек, неторопливо подрумянивая их кожу загаром.

Домашний арест Тохи закончился в полдень. С утра мать отправила его в магазин, затем отпустила-таки на тренировку, а после обеда решила не продлять наказание. Правда, компьютер и телефон все еще оставались под запретом, но свободу передвижения Тохе вернули. Битый час он болтался по детской площадке. Подтягивался, пока руки совсем не окаменели, висел вниз головой, засунув ноги между перекладинами лестницы, палкой чертил в пыли круги. Когда на улицу выбрался Жан, треть детской площадки усеивали загадочные фигуры вроде тех, чье появление на полях приписывают инопланетным пришельцам. Стиснув ладонь друга, Тоха улыбался так радостно, точно не видел его по меньшей мере лет пять:

– Разжалобил предков?

– Ага. – Жан мотнул головой, рассыпая по плечам солому волос. – Смотрю в окно – ты сидишь, ну и начал родителям ныть, что они изверги и нельзя так с единственным сыном-подростком, который ничего криминального не сделал. Они поломались для виду, но выпустили. Правда, до восьми всего.

– А Серёня как?

– Он по дому уборку доделает и тоже выползет. Я с ним списывался. Его родители думают, что мы на их сынулю дурно влияем, так что сильно не жестили. Только на улицу не выпускали – испугались очень, когда нас на крыше взяли.

– Да мы всех здорово напугали, чего там... – виновато прогудел Тоха.

Помолчали. Жан кивал, машинально крутил серьгу в ухе, делая вид, что увлеченно разглядывает таинственные круги на земле. На деле же думал о чем-то своем. Наконец спросил:

– Как ты, кстати? Тебе больше всех досталось. Он тебя швырнул так – я думал, ты костей не соберешь.

Тоха задрал футболку, оголяя живот и грудь, превратившиеся в один огромный кровоподтек.

– Во! – Он с гордостью обвел рукой лиловатые разводы. – Думали, ребра сломаны, но докторша сказала, просто гематома. Меня никакому дракону не сломать!

– Ты серьезно видел дракона?

Голубые глаза Жана с интересом глядели на Тоху, неуверенно мнущего собственные пальцы.

– Д-да... только...

– Что «только»? Договаривай!

– Ну... Он сначала казался каким-то нереально огромным. Гигантским просто! Крылья во всю крышу, и башка под потолок. Я тебе ору-ору, а ты какие-то танцы эльфийские исполняешь, уворачиваешься, отступаешь, хотя мог бы ему реально крыло подрезать. А потом, когда ты в сторону сквозанул, он раз – и пропал! Телепортировался, или черт его знает... Короче, смотрю – а он уже на Серёню забрался, а сам меньше раз в десять стал...

Веснушки Тохи залило краской стыда. Он прижал подбородок к груди и еще яростнее заскреб палкой по земле.

– А ты что-то другое видел? – пробубнил он.

– Кракена, – просто ответил Жан.

– Че? – Тоха недоверчиво оторвал взгляд от земли.

– Кракена. Ну, знаешь, здоровенную такую машину с кучей щупальцев. Если честно, я только щупальца и видел. Я вообще всех этих осьминогов не очень. Даже на море из-за них нормально расслабиться не могу. Плыву, а сам представляю, что вот сейчас оно меня ка-ааа-ак схватит...

– Тебя, может, по головушке сильно приложило? – участливо спросил Тоха. – Я тебе точно говорю...

– Погоди точно говорить, – перебил Жан. – Вон Серый идет. Я думаю, он сейчас такое расскажет, что мы оба удивимся.

От подъезда, шаркая кедами, шел Серый с пакетом мусора в руке. Не доходя до контейнеров, свернул на площадку, к друзьям. Он выглядел как пережившее бурю молодое дерево – потрепанное, облетевшее, но несломленное. Обычно аккуратно расчесанные волосы торчали во все стороны, руки сплошь покрыты синяками и царапинами, а по щеке разлился здоровенный кровоподтек. Бросив мешок у входа на площадку, Серый подошел к Жану и, игнорируя протянутую руку, порывисто обнял его. Тоха попытался отстраниться, но тоже был заключен в объятия.

– Пацаны... пацаны... – как заевшая пластинка все повторял и повторял Серый.

– Давай разнойся еще, – буркнул растроганный Тоха. – Давно дождя не было.

– Ай, залепи уже! – с нежностью огрызнулся Серый, улыбаясь.

Казалось, он и впрямь вот-вот заплачет. Влажные глаза его метались в треугольнике между лицами друзей, окном дома и стоптанными носками кедаов.

– Я тогда не успел... все так быстро случилось... Пацаны, вы же мне жизнь спасли! Еще б чуть-чуть, и он...

– Кстати, – перебил Жан. – Кто «он»?

– Как «кто»? – Серый удивленно захлопал выгоревшими ресницами. – Мертвяк, конечно. Вы чего, пацаны? Вы ж сами его...

– Сами, сами, не дергайся! – успокоил Жан, многозначительно поглядывая на Тоху.

– Вы сговорились, что ли? Жан кракена бил, ты мертвяка. Я что, один с драконом сражался?

– С чего ты вообще решил, что там дракон? – удивился Жан.

– А с того, что Юрец нам что написал? Дракон, небольшой, с крыльями! Было такое, а?! Там и был дракон!

– Ага, здоровый такой, – ехидно усмехнулся Жан. – Под потолок.

Лицо Тохи сделалось пунцовым. Он открыл было рот, но Жан предупреждающе поднял руку:

– Я вот что думаю – не было там ни мертвеца, ни дракона, ни щупальцев. Было что-то другое... Вот ты, Тоха, ты туда шел рубить дракона – и встретил дракона. А я шел и боялся, понимаешь? Аж коленки тряслись. Я вообще про дракона не думал, просто чувствовал страх. А ты, Серый?

Серый потупился, шаркнул по земле кедом:

– Я так... слабо помню. Может, и про дракона думал, не знаю. Только шел за вами и думал, что у меня спина открыта, а в кино всегда первыми жрут тех, кто сзади идет. И еще темень эта... не люблю, когда за спиной темно. Шел и думал: а вдруг... блин, сейчас так глупо звучит... думал – а что, если Юрка стал призраком и бродит тут?

– Вот и сошлось, – задумчиво кивнул Жан. – Все увидели то, что хотели увидеть. Осталось понять, что это за тварь на самом деле. Серый, ты к ней ближе всех был, может, что заметил? Не глазами – тут, похоже, какой-то камуфляж у нее, – но руки-то чувствовали, что держат?

– Н-не знаю... – Худые плечи Сереги передернулись от воспоминаний. – Я вот сейчас понял: я ж его на вытянутых руках удерживал. Он ко мне лезет, челюстями щелкает, а я держу и даже веса не чувствую – только напор, силищу... А потом ты его по хребту мечом отоварил.

– Ну, я сам не много видел. Только крылья и заметил.

– Ага, были крылья?! – восторгнулся Тоха. – Значит, дракон все-таки!

– Нет, не дракон. – Жан покачал головой. – Я в темноте не разглядел, да еще в глазах звездочки летали, но оно совсем рядом было, так что силуэт я разглядел. У него вообще шеи нет, и башка такая приплюснутая... правда, рога, похоже, есть. А из пасти гнильем несет...

– А ведь точно, – оживился Серый, кажется, впервые поверивший, что на него напал вовсе не мертвяк. – От него пахнет... пылью, что ли? Только изо рта воняет – как у Тохи, когда он зубы не почистит.

– Иди ты! – обиделся Тоха.

Все замолчали, погрузились в нерадостные мысли. По всему выходило, что разгадка не стала ближе, лишь обросла новыми тайнами. Жан подал голос:

– Подведем итоги. Тварь все же небольшая. Она пролезает в слуховые окна, жрет маленьких собачек и вообще, не смогла Серого на руках побороть.

– У нее что, руки есть?! – удивился Тоха.

– Не знаю, но крылья есть точно. Как иначе она на крышу попала? И на Ригачина она тоже высоко забиралась, пацаны говорили. И я точно видел крылья и чувствовал поток воздуха от них. Это она нас крыльями так раскидала.

– Маловато, – честно сказал Серый.

– Еще она умеет как-то влезать в мозги и пугать самыми жуткими кошмарами. Может, она и мысли читать умеет.

– Блин, почему «она»? – взъерился вдруг Тоха. – Что ты заладил – «она», «она»!

– Потому что тварь – она... – начал разъяснять Жан и тут же осекся, сообразив: – Постой, ты что-то видел, да?

Пойманный с поличным, Тоха не нашелся с ответом и густо залился краской. Он мялся, как двоечник у доски, то открывая рот, то вновь закрывая. Внутри него смущение боролось с желанием поделиться увиденным с друзьями. Друзья терпеливо ждали, не торопили, и Тоха решился.

– Я видел лицо как у старухи! – выпалил он. – В морщинах все, и глаза белые, типа слепые, что ли. А еще клык торчит из-под губы. Как баба-яга, блинский, все как Колено рассказывал! Но это же чушь какая-то, а?!

– А ты не... – начал Серый.

– Хочешь сказать, я старух боюсь?! – Тоха выпятил тяжелую челюсть. – Ну давай, скажи, скажи...

Он угрожающе надвинулся на Серого. Тот развел руками – дескать, а чего я-то? Тоха с минуту понависал над ним, играя желваками, но в итоге махнул рукой. Вцепился в перекладину турника, подтянул ноги кверху и повис на носках, головой вниз, всячески подчеркивая свое полное безразличие.

– Так что? – Серый задумчиво почесал кончик носа. – Все-таки это ведьма, что ли?

– Так-то все сходится, да. Но кто его знает, – неопределенно сказал Жан. – Плохо, что мы ее упустили.

– Почему это упустили? – сипло выдохнул Тоха. – Мы ее прикончили!

– Да? Ты тело видел? Палкой потыкал его? Убедился, что она сдохла?

– Да ладно тебе, Жан, – присоединился Серый. – Три такие раны...

– Какие «такие»? Ты их видел, эти раны?! Думаешь, пырнул ее катаной в пузо – она и лапы склеила? А может, у нее там вообще жизненно важных органов нет?! А может, нам это привиделось все?! Что молчишь? Нечего сказать?! Вот то-то!

Он неумело сплюнул под ноги и отвернулся. Проворно соскочил на землю Тоха, удивленный, словно увидел инопланетянина. Серый тоже стоял отвесив челюсть. Такая вспышка гнева была не в характере Жана, и друзья попросту не понимали, как реагировать. Тот же шмыгнул

носом, вытащил из кармана резинку и принялся убийственно медленно стягивать волосы в хвост. Когда же он развернулся, то стал похож на лопоухого эльфа, а глаза его подозрительно блестели.

– Я сам очень хочу верить, что мы ее прикончили, но не могу. Если раны смертельные – то где труп этой твари? Где он, чтобы я мог пнуть его и плюнуть в дохлую морду, за Юрку?!

– Может, в парке, – предположил Тоха таким тоном, что сразу стало понятно – он и сам себе не верит. – Из последних сил долетела до парка, да там и сдохла...

– Из последних сил только Капитан Америка врагов побеждает. Нет никаких последних сил. В парке спортсмены, мамочки с колясками, там плюнуть некуда – в человека попадешь. Раз тварь сбежала, значит, сил у нее было предостаточно.

– Ну тогда до озера дотянула, а там бульк...

– Она что, по-твоему, из камня сделана? Бульк!.. – горько передразнил Жан. – Я три дня в Сети сидел, все новости читал – не нашел ли кто неизвестную науке крылатую мерзость. Ни слова, ни полслова! Куда она делась?!

Поняв, что снова срывается, Жан прикусил язык. Взгляд его требовательно впивался то в одного, то во второго друга, точно это они были виноваты во всем. А те, чувствуя исходящую от него ярость, смущенно отводили глаза. Молчаливые упреки грозили перерасти в реальные, сказанные сгоряча, но оттого не менее обидные.

Пронзительно запищал домофон пятого подъезда. Толкнув дверь, на улицу выкатилась круглая, как колобок, тетя Света Семенова, мама Симы. В домашней мятой футболке и растянутых трениках, с волосами, кое-как собранными в пучок на макушке, она выглядела так, словно только что проснулась. Скорее всего, так оно и было – тетя Света работала по сменам и нередко дежурила в ночь, – но появляться на людях в таком расхристанном виде она себе не позволяла никогда. Тетя Света закрутила головой, разглядывая двор. Заметив мальчишек, покатила к ним, размахивая пухлыми руками:

– Ребятки, Симочка моя не выходила сейчас?

– Прямо сейчас? – уточнил Серый.

– Ну сейчас, может, минут десять назад... – Тетя Света нервно пожала плечами. – Вот только-только в комнате сидела, рисовала что-то. Я проснулась, на кухню зашла суп доварить, вернулась, а ее нет. А я и дверь-то не закрывала...

Мальчишки многозначительно переглянулись.

– Мы здесь полчаса уже стоим, не было никого, – за всех ответил Тоха.

– Да что ж такое?! – заламывая руки, запричитала тетя Света.

– Может, она дома спряталась? В шкафу или под кроватью? – предположил Жан.

Тетя Света с надеждой поглядела на него и, ни слова не говоря, рванула обратно к подъезду. Мальчишки зачарованно смотрели ей в спину. Жан встрепенулся, бросился следом и едва успел придержать закрывающуюся дверь.

– Э-это, э-эт-то... – Серый от волнения начал заикаться.

– Пойду за кастетом сбегаю. – Тоха подобрался, весь стал как натянутый канат.

– Стой! Нет времени...

Времени действительно не было. Тоха демонстративно хрустнул костяшками пальцев и кивнул:

– Тогда пошли.

Изнутри поднималось что-то клокочущее, гневное, древнее, как сам человеческий род. «Да как оно посмело?! – рычал внутренний зверь. – Как осмелилось вер-р-р-пнуть?! Вновь сунуть свое окровавленное рыло на чужую тер-р-р-риторию?! Убью! Р-р-растерзаю!» Напуганный этим древним чувством, злым и дремучим, позорно бежал страх. Даже Серый шагал так решительно, что казалось, еще немного – и под его поступью треснут ступени.

Молча, как невесомые тени, они взлетели наверх и... уткнулись в новую металлическую дверь чердака. Свеженький замок, вдвое больше старого, все еще липкий от заводской смазки, преградил им путь. Тоха подергал дверь, потянул на себя.

– Брось, Тоха... – Жан нервно постучал палкой по ступеням. – Что-то не так... Что-то совсем не так, пацаны...

– Что не так? – Тоха со злости пнул неподатливую дверь. – Не бывает таких совпадений! Эта тварь Симку утащила! Здесь она!

– После нас тут явно никого не было, сам видишь. Здесь-то здесь, это понятно. Может, в подвале или в квартиру какую забралась, пока хозяев нет, но не на чердаке. Разве что у ведьмы запасной комплект ключей есть...

Серый замер с открытым ртом, невидяще возя рассеянным взглядом по желтоватой побелке потолка. Он пытался схватить ускользающую мысль за хвост.

– Значит, она, как обычно, через слуховое окно влетела! Жан, ты чего разводишь?! Тут шевелиться надо, пока мелкая еще жива!

– Не так, Тоха, нет же! Она даже Хана поднять не сумела, а Симка потяжелее будет! Да и как она ее схватила? Через форточку?

– Ключи! – завопил Серый, выпучив глаза. – Запасная связка ключей!

Он лихорадочно зашарил по карманам.

– Не ори, блин! – шикнул Тоха. – Сейчас услышат и вытурят нас отсюда!

– Может, мы зря панику наводим? – усомнился Жан. – Может, Сима в самом деле дома спряталась?

Пролетом ниже щелкнул замок, протяжно загудела на петлях тяжелая дверь. Стараясь не шуметь, мальчишки осторожно перегнулись через перила. По ступеням, тяжело дыша и жалобно ругаясь под нос, скатилась тетя Света. Тоха, многозначительно глядя на Жана, ткнул в нее указательным пальцем.

– Нет Симки дома! – горячо шепнул он. – Нам надо на чердак, там эта...

– Не надо на чердак, – сказал Серый.

В руке его звякнула увесистая связка ключей – без счету колец, на которых повисли брелоки, индейские перья, стреляные гильзы, черепки и фигурки, и где-то среди этой сокровищницы скрывались настоящие ключи. Один из них, длинный и острый, Серый зажал пальцами:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.